

ЛОЖНАЯ ЛУНА

ДЕНИС ПОЖИДАЕВ

Денис Пожидаев

Ложная луна

<https://litres.ru/73585028>

SelfPub; 2026

Аннотация

В глубоком космосе нет ничего опаснее чужого милосердия.

Корабль «Пилигрим» захвачен Сущностью, которая не знает ненависти, но умеет считывать мечты. Пока стены корабля прорастают живыми нервами, а экипаж один за другим погружается в сладкий морок «исцеления», капитан Вейн должен решиться на операцию по ампутации... собственного будущего. Сможет ли человек победить бога, который хочет сделать его счастливым? И что ждет за порогом этой органической утопии, когда последняя капля топлива будет сожжена ради права на смерть?

Содержание

Часть 1. Поглощение	6
Глава 1. Визуальный контакт	6
Глава 2. Конфликт мнений	14
Глава 3. Точка невозврата	23
Глава 4. Поглощение	31
Глава 5. Локация	42
Глава 6. Состояние корабля	48
Часть 2. Иммунный ответ	55
Глава 7. Инцидент	55
Глава 8. Первый контакт	60
Глава 9. Транспортировка	69
Глава 10. Последствия	77
Часть 3. Адаптивная клетка	83
Глава 11. Первый триггер	83
Глава 12. Тест Роршаха	89
Глава 13. Обустройство	98
Глава 14. Первая ночь	108
Глава 15. Смена цикла	114
Часть 4. Эффект наблюдателя	119
Глава 16. Сценография	119
Глава 17. Глитч реальности	124
Глава 18. Тест Тьюринга	129
Глава 19. Истинная форма	137

Глава 20. Итог ночи	146
Часть 5. Биологическая норма	152
Глава 21. Утро	152
Глава 22. Ложная тревога	159
Глава 23. Результат	167
Глава 24. Научный подход	177
Конец ознакомительного фрагмента.	178

Денис Пожидаев
Ложная луна

Часть 1. Поглощение

Глава 1. Визуальный контакт

Вентиляция в рубке «Пилигрима» работала с едва слышным присвистом – три секунды выдоха, секунда тишины. Александр Вейн знал этот ритм лучше, чем пульс собственной жены. За четыреста восемьдесят стандартных суток полета звук вьелся в подкорку, став частью тишины.

Вейн покрутил в руках термокружку. Магнитное дно с глухим стук-щелчком прилипло к стальной поверхности подлокотника. Кофе остыл. На поверхности черной жидкости плавала радужная плёнка от рециркулированной воды. Вкус будет металлическим, как и всё здесь.

– Вейн, – голос Леры Касс прорезал гул кондиционеров. Не «капитан», просто фамилия. Привилегия пилота, который держит вахту шестой час подряд. – У меня тут ерунда какая-то.

Вейн медленно развернул кресло. Позвоночник отозвался сухим хрустом. Гравитация на борту держалась на уровне 0.8 от земной – достаточно, чтобы мышцы не атрофировались, но недостаточно, чтобы чувствовать себя полностью дома.

– Калибровка? – спросил он, не вставая.

– Трижды, – Лира не обернулась. Её пальцы бегали по сен-

сорной панели, выбивая дробь, похожую на нервный тик. – Оптика дает картинку. Лидар молчит. Гравиметры на нуле.

Вейн отстегнул магнитный фиксатор на поясе и встал. Подошвы ботинок мягко пружинили по решетчатому настилу. Он прошел мимо поста связи. Марк Илар сидел в наушниках, сгорбившись над консолью, и, кажется, дремал с открытыми глазами. Индикатор эфира горел ровным зелёным – чисто, пусто, никого на парсеки вокруг.

Вейн встал за спиной Лиры, упершись рукой в спинку её ложементы. От пилота пахло синтетическим лимоном – влажные салфетки, которыми она протираала панель.

– Сектор двенадцать-ноль-четыре, – сказала она, тыча пальцем в черный квадрат навигационного экрана. – Смотри.

На экране не было ничего. Чистая сетка координат. Цифры телеметрии бежали в столбик, демонстрируя идеальное, стерильное «ничто». Плотность частиц – вакуум. Тепловое излучение – фон. Масса – отсутствует.

– Переключи на внешний обзор, – приказал Вейн.

– Камеры правого борта.

Экран мигнул. Черноту сменило изображение, от которого Вейн на секунду забыл вдохнуть.

Это не было похоже на астероид или комету. В пустоте висело нечто, напоминающее застывший дым или распущенную в воде краску. Гигантские, полупрозрачные ленты света – бледно-фиолетовые, переходящие в ядовито-изумрудный.

Они скручивались в спирали, пульсировали, словно дышали, хотя в вакууме дышать было нечем. Объект казался огромным, но из-за отсутствия ориентиров масштаб определить было невозможно.

– Красиво, – пробормотал Торен Вальд. Инженер стоял у входа в рубку, вытирая руки ветошью. – Что это? Ионизированный газ?

– Приборы говорят, что там пусто, – резко ответила Лира. – Датчики столкновения молчат. Если бы я шла на автопилоте, мы бы уже прошли сквозь это.

Вейн наклонился ближе к экрану, вглядываясь в пиксели.

– Расстояние?

– Визуально – около двух тысяч километров. По приборам – бесконечность. Лазерный дальномер не получает отражения. Луч просто уходит и не возвращается.

Вейн выпрямился. Усталость как рукой сняло. В мозгу щелкнул переключатель: режим «рутина» сменился режимом «задача».

– Роан, – бросил он в сторону лабораторного поста. – Спектр. Что мы видим?

Эстель Роан, биолог экспедиции, уже работала. Её лицо, подсвеченное синим сиянием мониторов, казалось маской. Она не любила спешку. Её движения были плавными, почти замедленными, что всегда раздражало Лирю, но сейчас эта медлительность действовала успокаивающе.

– Минуту, Вейн. Данные противоречивы.

– Конкретнее.

– Спектрометр захватывает эмиссионные линии, но... – она замолчала, сводя брови. – Это не газ. Точнее, не просто газ. Нет характерных линий водорода или гелия, которые мы ожидаем от туманности.

Вейн повернулся к центральному пульту.

– Илар, запись в журнал. Время 14:00 по бортовому. Визуальный контакт с аномалией класса «неизвестно».

Марк вздрогнул, выходя из транса, и застучал по клавишам.

– Лира, – Вейн перевел взгляд на затылок пилота. – Гаси инерцию. Полная остановка относительно объекта. Держи дистанцию визуально. Приборам не верить.

– Принято. Тормозные двигатели на десять процентов.

По корпусу корабля прошла дрожь. Гул сменился низкой вибрацией, от которой заныли зубы. «Пилигрим» начал гасить скорость, разворачиваясь носом к светящейся вуали.

Вейн подошел к пулту управления бронестворками.

– Открыть обзорные, – скомандовал он сам себе.

Тяжелые титановые пластины, закрывавшие панорамное окно рубки, дрогнули и поползли вверх. Механизм, не смазывавшийся полгода, издал неприятный скрежещущий звук.

В рубку ворвался свет.

Он был не таким, как на экране. Он был плотным. Холодное, призрачное сияние затопило пространство, превратив оранжевые комбинезоны экипажа в грязно-серые. Тени ста-

ли резкими, глубокими.

Вейн подошел к стеклу вплотную. От иллюминатора тянуло холодом – чисто психологический эффект, стеклопакеты держали теплоизоляцию идеально, но мозг отказывался в это верить.

Прямо по курсу, занимая половину неба, висела эта штука. Она переливалась, как бензин на воде. Внутри полупрозрачных слоев вспыхивали и гасли искры. Это напоминало северное сияние, которое кто-то оторвал от планеты и скомкал в гигантский шар.

– Оно... структурировано, – тихо сказал Вальд, встав рядом с капитаном. – Смотри, Вейн. Это не хаос. Там есть узлы. Волокна.

– Роан? – потребовал Вейн, не отрывая взгляда от окна.

– Я не понимаю, – голос биолога дрогнул, потеряв профессиональную сухость. – Спектральный анализ завершен.

– И?

– Углерод. Азот. Кислород. Фосфор.

Вейн обернулся. Эстель смотрела на него, и в её глазах читалась не паника, но глубокое, почти детское недоумение.

– Это органика, Вейн. Сложные полимерные цепи. Если бы я не знала, что мы в глубоком космосе, я бы сказала, что мы смотрим на...

Она замялась, подбирая слово.

– На что?

– На ДНК. Это облако состоит из нуклеиновых кислот.

В рубке повисла тишина. Слышно было только, как гудят кулеры в стойках с оборудованием.

Вейн снова посмотрел в иллюминатор. Красивое, переливающееся облако теперь выглядело иначе. Оно было огромным. Сотни, может быть, тысячи километров в поперечнике. И оно было пустым для радаров. Призрачная биология.

– Лира, – голос Вейна стал жестким, металлическим. – Расстояние до объекта?

– Визуально не меняется. Мы стоим. Но альтиметр прыгает. То ноль, то ошибка.

Капитан потер переносицу. Ситуация выходила за рамки инструкций. Протокол предписывал избегать столкновений с небесными телами. Но протокол не объяснял, что делать, если тело есть для глаз, но отсутствует для физики.

– Вальд, проверь внешние сканеры. Может, сбой программного обеспечения.

– Сомневаюсь, – буркнул инженер, но направился к своему терминалу. – Слишком красивая картинка для глюка.

Вейн смотрел на светящиеся волокна. Они двигались. Медленно, величественно, словно щупальца актинии в замедленной съемке. Это движение гипнотизировало.

– Капитан, – голос Эстель стал тверже. – Я фиксирую слабый тепловой след. Очень слабый. Едва выше абсолютного нуля. Это не просто химия. Там идут реакции.

– Энерговыделение?

– Минимальное. Как при... – она снова запнулась. – Как

при метаболизме.

Вейн сжал поручень ограждения. Металл холодил ладонь.

– Хочешь сказать, это живое?

– Я хочу сказать, что оно состоит из того же, из чего состоим мы. Только размазано на тысячи километров.

Лира Касс фыркнула, не отрываясь от штурвала:

– Космическая плесень?

– Слишком сложно для плесени, – возразила Эстель.

Вейн вернулся в кресло. Кофе окончательно остыл. Он отодвинул кружку в сторону.

– Мы не можем прокладывать курс через это, пока не поймем плотность, – сказал он, глядя на пустые гравиметрические данные. – Если это газ, мы пройдем насквозь. Если это вязкая субстанция – мы увязнем и сожжем двигатели.

– А если мы его обойдем? – предложил Марк.

– Крюк в три недели, – Лира покачала головой. – Топлива в обрез. Мы идем по расчетной дуге.

Вейн барабанил пальцами по подлокотнику. Решение нужно было принимать сейчас. Висеть здесь и любоваться – тратить ресурс регенераторов воздуха.

– Запустить зонд, – приказал он.

– У нас их всего два осталось, – напомнил Вальд.

– Запустить зонд, – повторил Вейн. – Стандартная телеметрия плюс забор проб. Если там есть ДНК, я хочу видеть её в микроскоп, а не на графике.

Лира кивнула и переключила тумблеры.

– Зонд-1 готов к сбросу. Траектория прямая. Вход в облако через четыре минуты.

Вейн смотрел на экран внешнего обзора. Светящаяся туманность пульсировала, словно приглашая. Она не выглядела опасной. Она выглядела как чудо. Но Вейн не верил в чудеса. Он верил в массу, скорость и сопротивление материалов.

А здесь сопротивления не было.

– Пуск, – сказал он.

Легкий толчок – и серебристая игла зонда отделилась от корпуса «Пилигрима», устремляясь в сияющую пустоту.

Глава 2. Конфликт мнений

Серебристая игла зонда исчезла в переливающейся дымке беззвучно. Александр Вейн не отрывал взгляда от телеметрического экрана, ожидая скачка данных. Удара. Трения. Хоть чего-то, что подтвердило бы материальность этого призрачного гиганта.

– Дистанция ноль, – голос Лиры был сухим, лишенным интонаций. – Вход в зону свечения.

Вейн подался вперед, вцепившись пальцами в край консоли.

– Данные?

– Ничего, – ответил Торен Вальд, стоящий за плечом капитана. – Абсолютно ничего, Вейн. Датчики давления – вакуум. Температура корпуса зонда – стабильная, минус двести семьдесят. Радиационный фон – в пределах погрешности.

– Он прошел насквозь?

– Как сквозь голограмму, – подтвердила Лира. – Я вижу его маяк на той стороне. Он вышел из облака. Ни повреждений, ни замедления.

Вейн медленно выдохнул. В рубке повисла тяжелая, вязкая тишина, нарушаемая лишь гулом вентиляции. Это было невозможно. Глаза видели сложную, многослойную структуру – вихри, волокна, узлы, пульсирующие мягким фиолето-

вым светом. А приборы утверждали, что перед «Пилигримом» – пустота.

– Это не голограмма, – тихо сказала Эстель Роан, не отрываясь от микроскопа. – Я вижу преломление света. Там есть среда. Просто она... проницаема. Слишком проницаема для стандартной материи.

Вейн развернул кресло к экипажу. Лица подсвечены холодным сиянием экранов. Усталость, ввевшаяся в кожу за месяцы полета, сейчас уступила место острому, почти болезненному любопытству. Это был тот самый взгляд, который заставляет людей лезть в пещеры и спускаться на дно океанов. Взгляд, который Вейн обязан был контролировать.

– Мы зафиксировали объект, – произнес он, стараясь, чтобы голос звучал ровно. – Мы провели дистанционное сканирование. Результат – аномалия не поддается анализу доступными средствами. Согласно протоколу «Дальний поиск», мы должны установить буй-маяк и продолжить движение по маршруту.

Лира резко развернулась в ложементе. Крепежные ремни натянулись.

– Ты шутишь, Вейн? Уйти?

– Мы не исследовательская станция, Лира. Мы транспортник с расширенным научным модулем. У нас нет оборудования для изучения... призраков.

– У нас есть манипулятор, – жестко сказала она. – И у нас есть глаза. Зонд прошел насквозь, потому что он тупой

кусок металла на баллистической траектории. Он ничего не щупал. Он просто летел.

– И что ты предлагаешь? – Вейн знал ответ, но хотел услышать его вслух. Чтобы оценить степень безумия.

– Подойти ближе. Вплотную. Использовать «руку». Если это органика, как говорит Роан, мы можем взять образец. Физический кусок. Не спектр, не цифры, а материю.

– Это нарушение техники безопасности, – Вейн потер переносицу. – Сближение с объектом неизвестной природы. Мы не знаем, как поведет себя навигация внутри этого... облака.

– Навигация в порядке, – вмешался Торен Вальд. Инженер подошел к тактической карте, на которой сияло пустое пятно. – Гравитационных аномалий нет. Магнитных бурь нет. Вейн, послушай. Мы три года болтаемся в секторе, где самое интересное событие – это замена фильтров в регенераторе. А теперь перед нами – открытие века. Возможно, новая форма жизни. Или физики.

– Или новая форма смерти, – парировал Вейн.

– Зонд не сгорел, – напомнила Эстель. Она подняла голову от окуляров. Её голос был тихим, но в нем звучала та же стальная нота, что и у Лиры. – Вейн, если мы вернемся с пустыми руками и записью, на которой «ничего нет», нас спишут в архив. Никто не поверит видеозаписи, если нет физических доказательств. Скажут – сбой оптики. Галлюцинация экипажа.

Вейн посмотрел на иллюминатор. За бронестеклом медленно вращалась гигантская радужная спираль. Она была прекрасна той холодной, равнодушной красотой, которая свойственна космосу. Она не выглядела угрожающей. Она просто была.

Он чувствовал на себе взгляды всей команды. Лира – сжатая пружина, готовая сорваться. Вальд – спокойная уверенность старого техника, который привык чинить всё, до чего дотянется. Эстель – чистый научный голод. Даже Марк Илар, обычно тихий связист, сейчас смотрел на капитана с ожиданием.

Они правы. Вейн понимал это рациональной частью мозга. Вернуться ни с чем – значит признать поражение. Значит, что три года жизни потрачены впустую. Протоколы писали люди, сидящие в безопасных кабинетах на Земле. Здесь, в парсеках от дома, протокол был лишь рекомендацией.

Но была и другая часть. Инстинкт, выработанный годами службы. Тот самый, который сейчас кричал: «Не трогай неизвестное».

– Риски? – спросил он, глядя прямо в глаза Вальду.

– Минимальные, – пожал плечами инженер. – Если начнет расти температура или радиация – мы сразу отходим. Двигатели на горячем старте. Тяга у нас избыточная. Мы просто «клюнем» его и отскочим.

– Лира?

– Я удержу «Пилигрим» в статике с точностью до метра, –

пилот даже не улыбнулась. – Я подводила нас к стыковочным шлюзам в худших условиях. А эта штука даже не вращается. Она стоит на месте, Вейн. Она ждет.

Вейн встал и прошел к обзорному экрану. Аномалия занимала теперь весь обзор.

– Хорошо, – сказал он. Слово упало в тишину рубки, как камень. – План такой. Мы не входим внутрь. Мы подходим к касательной. Дистанция до видимой границы – пятьдесят метров. Вальд, готовишь внешний манипулятор. Берем пробу поверхностного слоя.

– Принято, – Вальд уже был у своей консоли, его пальцы быстро набирали последовательность команд.

– Лира, управление на тебе. Любое отклонение показателей защиты больше чем на пять процентов – экстренный отход. Без команды. Просто жми на газ.

– Поняла, – в голосе Лире прозвучало облегчение. – Начинаю сближение. Вектор выравнивания построен.

Корабль вздрогнул. Маневровые двигатели дали короткий импульс, и звезды в боковых экранах медленно поползли в сторону. Гигантское облако начало расти, надвигаясь на них стеной света.

Вейн вернулся в кресло, застегнул ремни. Он чувствовал, как напряжение в рубке сменилось деловой активностью. Страх ушел, вытесненный работой. Это было знакомое состояние. Понятное.

– Дистанция пять километров, – докладывала Лира. –

Скорость сближения десять метров в секунду. Торможу.

На экранах внешнего обзора структура аномалии стала пугающе детальной. Теперь это было не просто свечение. Вейн видел слои. Полупрозрачные мембраны, накладывающиеся друг на друга, как слои шелка в воде. Между ними дрейфовали какие-то темные сгустки, напоминающие тромбы.

– Активирую внешний прожектор, – сказал Вальд.

Луч мощного ксенонового света ударил в пустоту, разрезая тьму перед носом корабля. И тут произошло странное. Свет не прошел сквозь облако, как это было с лазерами дальномеров. Он рассеялся, создав вокруг точки фокуса мягкое, молочное гало.

– Ага! – воскликнул Вальд. – Есть контакт со средой! Свет вязнет. Значит, там есть плотность.

– Осторожнее, – предупредил Вейн. – Лира, скорость?

– Два метра в секунду. Идем плавно. Дистанция пятьсот метров.

Вейн смотрел на показания щитов. Зеленая зона. Никакой реакции. Словно они подкрадывались к спящему киту.

– Готовность манипулятора, – скомандовал он.

– Манипулятор развернут, – отозвался Вальд. На вспомогательном экране появилось изображение суставчатой титановой «руки», выдвигающейся из технического отсека. Захват на конце раскрылся, хищно блеснув металлом.

– Сто метров, – голос Леры стал напряженным. – Вхожу

в зону визуального контакта. Корректирую дрейф.

Стена света теперь была прямо перед ними. Она казалась бесконечной. Вблизи цвет изменился – из фиолетового он стал глубоким, чернильно-синим с прожилками неона. Это было похоже на взгляд в зрачок гигантского глаза.

– Стоп, – скомандовал Вейн. – Удержание позиции.

– Есть удержание. Стоим. Относительная скорость ноль.

Корабль замер. Вибрация двигателей стала едва ощутимой дрожью пола. Прямо перед носом «Пилигрима», всего в паре десятков метров, колыхалась грань неизвестного.

– Вальд, работай.

– Выдвигаю стрелу, – инженер работал джойстиком с ювелирной точностью.

На экране было видно, как механическая рука медленно тянется к сияющей поверхности. Вейн поймал себя на том, что задержал дыхание. Это выглядело сюрреалистично: грубая, угловатая человеческая техника против совершенной, плавной формы чужой материи.

– Три метра до контакта, – комментировал Вальд. – Два. Один.

Вейн смотрел не на экран, а в иллюминатор. Ему казалось важным видеть это своими глазами. Титановые пальцы коснулись призрачной пленки.

– Есть касание, – выдохнул Вальд. – Датчики сопротивления... о боги.

– Что? – резко спросил Вейн.

– Оно мягкое.

Манипулятор не прошел сквозь туман, как зонд. Он уперся. Поверхность аномалии прогнулась под нажимом металла, эластично и упруго, словно натянутая кожа барабана.

– Беру пробу, – Вальд нажал гашетку.

Захват сомкнулся. Вейн увидел, как металл вгрызается в светящуюся плоть. От места контакта во все стороны побежала рябь – не световая, а вполне физическая, как от камня, брошенного в воду.

– Есть захват образца! – торжествующе крикнул инженер.

– Втягиваю стрелу!

– Отход! – скомандовал Вейн. – Лира, полный назад!

Но корабль не шелохнулся.

– Лира? – Вейн обернулся к пилоту.

Лира Касс с силой рванула штурвал на себя, её лицо побелело.

– Двигатели на полной тяге! – крикнула она, и в её голосе впервые прозвучала нотка паники. – Мы не двигаемся, Вейн!

– Что значит не двигаемся?

– Вектор тяги сто процентов! Мы должны уже лететь кувирком! Но мы стоим!

Вейн снова посмотрел в иллюминатор. Рябь, поднятая прикосновением манипулятора, не затухала. Она расходилась шире, становясь ярче, меняя цвет с синего на тревожный багровый. И вместе с этой рябью менялась сама геометрия пространства перед ними.

Святящаяся стена не оттолкнула их. Она потянулась навстречу.

– Вальд, сброс манипулятора! – заорал Вейн. – Отстреливай его к чертям!

– Не могу! – пальцы инженера плясали по клавиатуре. – Замки заклинило! Гидравлика не отвечает! Оно... оно держит нас!

Вейн почувствовал, как пол уходит из-под ног. Не от перегрузки ускорения, а от чего-то другого. Гравитация в рубке качнулась, меняя вектор. Кружка с остывшим кофе сорвалась с подлокотника и полетела не вниз, а в сторону иллюминатора, расплескивая черную жидкость в воздухе.

– Это не захват! – крикнула Эстель, глядя на показания сенсоров, которые вдруг сошли с ума, заливая экраны красным. – Это не механический захват! Оно меняет массу корабля!

Свет за окном вспыхнул так ярко, что Вейн на секунду ослеп.

– Лира, аварийный форсаж! – ревел он, перекрывая вой сирен.

– Я даю всё, что есть!

Но «Пилигрим» не отступал. Медленно, с ужасающей неотвратимостью, корабль начало втягивать внутрь сияющей бездны.

Глава 3. Точка невозврата

– Контакт, – выдохнул Торен Вальд.

Слово прозвучало глухо, словно инженер говорил в подушку.

На экране внешнего обзора титановые пальцы манипулятора погрузились в сияющую субстанцию. Александр Вейн ожидал увидеть, как металл разрезает туман, оставляя за собой вихревые следы газа. Он ожидал физики жидкостей или аэродинамики.

Вместо этого он увидел вмятину.

Поверхность поля прогнулась. Она повела себя как плотная, перенапряженная резина. Титан не прошел насквозь – он увяз. Вокруг точки касания, где захват впился в «свет», пошла не рябь, а тяжелая, судорожная волна деформации.

– Сопротивление материала критическое, – голос Вальда сорвался на фальцет. – Гидравлика на пределе. Это не газ. Это... твердое тело.

– Вязкое, – поправила Эстель, глядя на свои мониторы. – Вейн, оно обволакивает манипулятор. Это не поверхность. Это кожа.

Вейн не успел ответить.

Мир за бронестеклом моргнул.

Это не было похоже на выключение света. Это было похоже на мгновенную смерть цвета. Фиолетовые, изумруд-

ные, неоновые спирали, которые только что гипнотизировали экипаж своей неземной красотой, исчезли. Разом. Без затухания. Без перехода.

В одну сотую секунды великолепное полярное сияние схлопнулось, словно кто-то сдернул пеструю накидку, обнажив то, что скрывалось под ней.

Чернота.

Вейн отшатнулся от иллюминатора, инстинктивно вскидывая руку, чтобы защитить глаза, но защищаться было не от чего. Снаружи не осталось ни фотона излучения.

– Проекторы! – рявкнул он. – Вальд, свет!

– Они включены! – крикнул инженер. – Ксенон на максимуме!

Вейн заставил себя снова посмотреть в стекло. Лучи мощных корабельных прожекторов, способные пробить километровую толщу космической пыли, упирались в стену.

Перед носом «Пилигрима» висела абсолютно черная, матовая масса. Она не отражала свет. Она его пожирала. Лучи просто падали в неё и умирали, не давая отсвета, не выхватывая рельефа. Это была чернота гуще, чем космос вокруг. Космос был прозрачным, в нем были звезды. Эта чернота была плотной, тяжелой, осязаемой.

– Что с датчиками? – Вейн развернулся к пульту.

– Слепы, – Лира Касс боролась со штурвалом, её костяшки побелели. – Радар чист. Лидар чист. Но мы... Вейн, мы приклеились!

Корабль трясло. Это была не вибрация двигателя, а мелкая, тошнотворная дрожь, от которой вибрировали зубы и плыло перед глазами. Корпус «Пилигрима» стонал. Где-то в глубине переборок лопался пластик обшивки, скрипел металл, испытывающий нагрузку на скручивание.

– Тяга сто десять процентов! – кричала Лира, перекрывая вой аварийной сирены. – Мы не отходим! Вектор тяги отрицательный, но смещения нет!

– Отстрел манипулятора! – Вейн ударил кулаком по кнопке дублирующего управления на своем подлокотнике. – Вальд, руби кабель!

– Не срабатывает! – Инженер лихорадочно щелкал тумблерами, срывая защитные колпачки. – Пиропатроны молчат! Цепь разомкнута!

– Почему?!

– Потому что там нет сигнала! – Вальд поднял на капитана глаза, полные ужаса. – Вейн, оно... оно глушит электрику. По кабелю идет обратный импульс.

Вейн посмотрел на экраны. Изображение с камеры манипулятора исчезло, сменившись белым шумом. Но через обзорное стекло он видел всё.

Титановая рука, соединяющая корабль с черной бездной, больше не была просто механизмом. Она тонула. Черная матовая субстанция ползла по металлу вверх, к корпусу корабля. Это не было похоже на жидкость. Это двигалось рывками, сокращаясь, как мускулатура.

– Биология, – прошептала Эстель. В наступившей относительной тишине – сирена вдруг захлебнулась и смолкла – её голос прозвучал как приговор. – Вейн, это камуфляж. Хроматофоры. Оно имитировало туманность, чтобы привлечь нас. А теперь...

– Теперь оно ест, – закончил Вейн.

Он почувствовал, как исчезает устойчивость. Гравитация на борту дернулась, меняя вектор. «Пилигрим» не просто висел – его начало поворачивать. Медленно, с неотвратимостью сдвигающейся тектонической плиты.

– Звук, – вдруг сказал Марк Илар. Связист сорвал наушники и отбросил их, словно они горели. – Вы слышите?

Вейн прислушался. Сквозь гул перегруженных реакторов и скрип корпуса пробивался новый звук. Он шел не из динамиков. Он шел снаружи, передаваясь через обшивку, через переборки, через подошвы ботинок прямо в кости.

Низкое, ритмичное гудение.

Уммм-хррр... Уммм-хррр...

Это напоминало мурлыканье гигантской кошки, увеличенное в миллион раз. Или работу исполинского насоса. Частота была настолько низкой, что она не слышалась, а ощущалась диафрагмой. Внутренности сжались в тугой узел.

– Вибрация корпуса критическая! – Лира смотрела на приборы расширенными глазами. – Резонанс! Вейн, если это продолжится, у нас лопнут топливные магистрали!

– Гаси двигатели, – принял решение Вейн.

– Что?

– Гаси! Мы только хуже делаем. Мы тянем, оно тянет – порвем корабль пополам. Стоп машины!

Лира на секунду замерла, потом резко выдохнула и ударила по клавише аварийного сброса тяги.

Рев двигателей смолк. Наступила ватная тишина, в которой низкое, утробное гудение снаружи стало доминирующим.

Уmmm-хррр...

Корабль качнуло. Теперь, без тяги двигателей, они были полностью во власти того, что их держало.

Вейн подошел к иллюминатору вплотную. Черная стена перед ними начала меняться. Бесформенная масса, заполнившая всё поле зрения, приходила в движение. Она не просто бурлила – она организовывалась.

– Геометрия меняется, – констатировал Вальд, глядя на лазерный дальномер, который вдруг начал выдавать цифры. – Дистанция до центра масс... сокращается.

Прямо на глазах у экипажа хаос превращался в порядок. Черная субстанция втягивала в себя неровные края, сглаживала выступы. Она уплотнялась.

Гигантский объем материи сворачивался в идеальную сферу.

Это было зрелище пугающего совершенства. Шар диаметром в десятки километров, висящий в пустоте. Его поверхность была абсолютно гладкой, матовой, похожей на черный

бархат или обсидиан, лишенный блеска.

– Диаметр восемьдесят километров, – голос Эстель дрожал. – Плотность... Вейн, плотность растет. Оно сжимается.

– Гравитационный колодец! – крикнула Лира. – Вейн, нас не держат! Нас притягивает массой! Оно создает собственное поле!

Вейн видел, как манипулятор, всё ещё торчащий из корпуса, изогнулся под неестественным углом. Черная сфера медленно вращалась. Это вращение было гипнотическим. Никаких ориентиров, никаких пятен на поверхности – только ощущение колоссального движения массы.

– Оно нас сканирует? – спросил Марк.

– Нет, – ответила Эстель. Она смотрела на спектрограмму, которая теперь показывала безумную пляску пиков в инфракрасном диапазоне. – Оно не смотрит. Оно реагирует. Мы коснулись его – и оно проснулось. Это рефлекс. Как у мимозы, когда трогаешь лист. Только здесь...

– Только здесь лист размером с луну, – закончил Вальд.

Вейн почувствовал, как по спине течет холодный пот. Рациональная часть мозга пыталась найти аналогию, подобрать инструкцию. Столкновение с астероидом? Нет. Попадание в гравитационный захват черной дыры? Ближе, но черные дыры не сделаны из мяса.

Сфера вдруг остановила вращение.

Вибрация усилилась. Теперь пол под ногами мелко подпрыгивал. С потолка посыпалась пыль, накопившаяся за го-

ды полета в вентиляционных коробах. Кружка Вейна, лежавшая на полу, поползла к носовой части рубки.

– Что оно делает? – прошептала Лира.

На гладкой, идеальной поверхности Черной Сферы, прямо напротив «Пилигрима», появилась трещина.

Она не была рваной. Она была геометрически выверенной, словно разрез скальпелем. Тонкая линия абсолютной пустоты на фоне абсолютной черноты. Линия начала расширяться.

Края разреза расходились, открывая внутренность. Но там не было внутренностей. Там был свет.

Не тот радужный, фальшивый свет «Кометы». Из глубины разреза лилось мягкое, молочно-белое сияние. Оно было теплым. Оно манило.

– Радиация! – заорал Вальд, глядя на дозиметр. – Скачок гамма-фона! Вейн, щиты не выдержат!

– Закройте бронестворки! – скомандовал Вейн.

– Поздно! – крикнул инженер. – Механизм заклинило деформацией корпуса!

Разрез превратился в гигантский зрачок. Или в рот. Отверстие диаметром в километр, сияющее изнутри влажным, органическим светом.

Корабль дернуло так, что Вейн едва устоял на ногах, схватившись за спинку кресла пилота. Манипулятор, всё это время связывавший их с объектом, с оглушительным скрежетом оторвался от креплений, вырвав кусок внешней обшивки.

Но свобода не наступила.

Вместо металлической руки корабль теперь держало что-то иное. Невидимое. Тягучее.

– Нас всасывает, – спокойно, с пугающей отрешенностью произнесла Лира. Она убрала руки со штурвала. – Аэродинамика. В вакууме. Вейн, оно вдыхает.

Сфера действительно вдыхала. Пространство вокруг неё искажалось, закручиваясь в воронку, ведущую прямо в сияющий разрез. И «Пилигрим», лишенный тяги, беспомощный, как щепка в водовороте, начал свое падение в центр этого света.

Вейн смотрел на приближающееся отверстие. Страх ушел, уступив место холодному, парализующему изумлению. Он видел структуру внутри разреза. Это не был огонь. Это была ткань. Миллионы тончайших ворсинок, колышущихся в потоке всасываемого пространства.

– Всем приготовиться к удару, – сказал он, понимая бессмысленность команды.

Чернота вокруг сияющего зева нависла над ними, закрывая звезды. Вибрация перешла в сплошной гул, от которого лопались капилляры в глазах.

«Пилигрим» прошел точку невозврата.

Глава 4. Поглощение

– Полная тяга! – голос Александра Вейна сорвался на хрип, перекрывая вой сирен, который, казалось, раздирал перепонки изнутри.

Команда была лишней. Лира Касс уже вдавила рычаги управления тягой до упора, пробивая ограничители безопасности. Её пальцы, вцепившись в пластик рукоятей так, словно она пыталась физически оттолкнуть корабль от того, что разверзлось перед ними.

«Пилигрим» взревел.

Это был не тот ровный, мощный гул, к которому привык экипаж за месяцы перелета. Это был вопль изнасилованного металла. Кормовые дюзы выбросили в вакуум столбы перегретой плазмы длиной в полкилометра. Реактор, выведенный на сто десять процентов мощности, заставил пол рубки вибрировать с такой частотой, что изображение перед глазами Вейна расслоилось.

Вейна вдавило в кресло. Перегрузка в четыре же навалилась на грудь бетонной плитой, выжимая воздух из легких. Ремни безопасности врезались в ключицы. Кровь отхлынула от лица, в висках застучал тяжелый, болезненный молот.

Но глаза отказывались верить вестибулярному аппарату.

Тело кричало, что они ускоряются. Что они должны улетать прочь с такой скоростью, что звезды превратятся в ли-

нии. Но глаза видели другое.

Звезды стояли на месте.

А Черная Сфера росла.

– Скорость?! – прохрипел Вейн, пытаясь сфокусировать взгляд на пляшущих цифрах телеметрии.

– Относительная скорость... отрицательная! – закричала Лира. В её голосе паника смешалась с профессиональным безумием пилота, который видит, как законы физики ломаются об колено. – Мы идем назад! Вейн, мы идем назад на полном форсаже!

Вейн посмотрел в обзорный экран. То, что еще минуту назад было трещиной на идеальной поверхности сферы, теперь превратилось в горизонт.

Это не было похоже на пещеру или кратер. Это была биологическая воронка. Края разрыва – гигантские, толщиной в километры, губы из матовой черной материи – медленно выворачивались наружу. Они были неровными, бугристыми, живыми. Внутри, в этой разверзшейся глотке, не было тьмы. Там пульсировал свет – мягкий, молочно-белый, с прожилками болезненно-розового.

Свет манил. Свет обещал покой. И этот свет приближался с ужасающей неотвратимостью.

– Пространственный сдвиг! – орал Торен Вальд, перекрикивая грохот переборок. Инженер висел над своей консолью, удерживаемый только ремнями, и его лицо было серым от ужаса. – Оно не тянет нас гравитацией! Оно сворачивает

метрику! Мы бежим на беговой дорожке, а дорожку сматывают!

Вейн понял, о чем он. Эффект был тошнотворным, сюрреалистичным. Нос корабля смотрел в открытый космос, дюзы толкали их вперед, но пространство вокруг «Пилигрима» сжималось.

Звезды по краям обзорного экрана начали искажаться. Они вытягивались в дуги, закручиваясь вокруг черного шара. Эффект рыбьего глаза, выкрученный на максимум. Вселенная схлопывалась в точку за кормой, а впереди оставался только разевающий пасть гигант.

– Температура ядра реактора критическая! – голос Марка Илара дрожал, срываясь на визг. Связист сжался в комок в своем кресле, закрыв голову руками, но продолжал смотреть на мониторы сквозь пальцы. – Охлаждение не справляется! Вейн, мы расплавимся раньше, чем оно нас сожрет!

– Держать тягу! – рявкнул Вейн. Это было единственное, что он мог приказать. Единственное действие, которое сохраняло иллюзию борьбы. – Лира, не сбрасывать!

– Я не сбрасываю! – огрызнулась она. По её щеке текла слеза, но она даже не моргала, глядя в бездну перед собой. – Я даю всё, что есть!

Вейн почувствовал, как корабль содрогнулся всем корпусом. Это был не удар. Это было что-то иное – словно гигантская рука сжала «Пилигрим» поперек корпуса и слегка сдавила. Металл заскрежетал. Звук был низким, протяжным,

похожим на стон умирающего животного.

– Геометрия корпуса нарушена! – доложил Вальд. – Третий отсек, деформация шпангоутов! Вейн, нас плющит!

В иллюминаторе происходило нечто невозможное. Края черной воронки, которые секунду назад были впереди, теперь оказались по бокам. Они поднимались стенами, закрывая обзор. «Пилигрим» входил в зев.

– Оно закрывается... – прошептала Эстель Роан. Биолог не смотрела на приборы. Она стояла, вцепившись в поручень, и смотрела прямо в светящееся нутро существа. В её глазах не было страха, только замороженное оцепенение кролика перед удавом. – Посмотрите на текстуру. Это... ворсинки.

Вейн посмотрел. Стены гигантского туннеля, в который их затягивало, не были гладкими. Они были покрыты лесом шевелящихся отростков. Миллиарды черных нитей, каждая толщиной с дерево, колыхались в безвоздушном пространстве, улавливая движение.

– Это не ворсинки, – прохрипел Вейн. – Это рецепторы.

Свет внутри стал ярче. Он заливал рубку, делая тени неестественно резкими. Приборы на панелях сходили с ума. Красные лампы аварийной тревоги мигали в разнобой, создавая стробоскопический эффект, от которого кружилась голова.

– Дистанция до стенок – триста метров! – крикнула Лира. – Двести! Вейн, маневр уклонения невозможен! Рули не ре-

агируют! Мы в потоке!

– Выключить двигатели! – внезапно скомандовал Вейн.

– Что?! – Лира обернулась к нему, её лицо исказилось от ужаса. – Ты хочешь сдать?!?

– Выключай! – заорал он, перекрывая гул. – Мы не убежим! Мы только сожжем реактор и взорвемся у него в глотке! Если мы хотим выжить при... поглощении... нам нужна энергия на щиты, а не на тягу! Руби!

Лира колебалась долю секунды. Потом её рука дернулась и ударила по большой красной кнопке аварийного отсечения топлива.

Грохот исчез мгновенно.

Тишина, наступившая после адского рева дюз, ударила по ушам сильнее взрыва. Вейна швырнуло вперед – перегрузка исчезла, сменившись невесомостью. Ремни врезались в тело, удерживая его в кресле.

Корабль, лишенный собственной воли, продолжил движение по инерции. Но теперь это было падение.

Плавное, беззвучное скольжение в пасть левиафана.

– Боги... – прошептал Марк Илар.

Вейн поднял голову. Через верхние сегменты остекления он увидел, как черные края пасти смыкаются над ними.

Это было похоже на затмение. Тьма накрывала звезды, стирая созвездия одно за другим. Последний кусочек внешнего космоса – далекая, холодная россыпь бриллиантов – сузился до крошечного треугольника, потом до точки... и

исчез.

Щелк.

Вселенная снаружи перестала существовать.

Остался только свет внутри. И стены.

– Контакт через три... две... – начал отсчет Вальд, но не закончил.

Удар не был жестким. Вейн ожидал крушения, скрежета разрываемого металла, взрывной декомпрессии. Но «Пилигрим» словно влетел в гигантский пудинг.

Корабль резко замедлился, но не остановился. Его обволкло.

Звук изменился. Теперь это был не скрежет, а влажное, чавкающее шуршание. Словно кто-то огромный жевал резину. По корпусу «Пилигрима» пробежала дрожь – не механическая, а органическая.

– Внешние камеры! – скомандовал Вейн, отстегивая ремни. Он плавал в невесомости, хватаясь за поручни. – Что снаружи?

– Камеры забиты! – отозвалась Лира. – Все объективы перекрыты! Вижу только... черноту. Нет, подожди.

На одном из уцелевших мониторов появилось изображение. Камера кормового обзора, прижатая к корпусу, показывала нечто, от чего у Вейна волосы встали дыбом.

Обшивка корабля дымилась. Но не от огня. Черная субстанция, плотно прижавшаяся к металлу, выделяла слизь. Эта слизь пузырилась, реагируя с титановым сплавом.

– Кислота? – спросил Вальд.

– Нет, – быстро ответила Эстель. – Ферменты. Оно начало нас переваривать.

Внезапно свет в рубке мигнул и погас.

Осталось только тусклое, красноватое сияние аварийных ламп, работающих от аккумуляторов. Гул вентиляции стих. Системы жизнеобеспечения перешли в эконом-режим.

Но самым страшным было другое.

Звук снаружи.

Сквозь многослойную броню корпуса, сквозь изоляцию и переборки, в рубку просачивался звук. Это было биение. Ритмичное, мощное, медленное.

Ту-думм... Ту-думм...

Оно сотрясало весь корабль, как удары гигантского молота, обернутого в вату.

– Сердцебиение? – прошептал Марк. Его голос в темноте звучал как шелест сухой бумаги.

– Слишком медленно для сердца, – ответила Эстель. – Один удар в десять секунд. Это... перистальтика.

Корабль снова дернуло. На этот раз резче. Вейна ударило плечом о стойку навигатора. Он услышал, как где-то внизу, в трюме, сорвался с креплений тяжелый контейнер и с грохотом покатился по палубе.

– Нас проталкивает, – констатировал Вальд. Он подсвечивал себе фонариком, проверяя показания на ручном термине. – Внешнее давление растет. Десять атмосфер. Два-

дцать. Вейн, если так пойдет дальше, оно раздавит остекленные рубки.

Вейн подплыл к иллюминатору. Стекло было черным. Абсолютно, непроглядно черным. К нему было прижато что-то плотное. Он видел, как это «что-то» движется, пульсирует, трется о стекло с противным скрипом, похожим на звук пальца по мокрому воздушному шару.

– Закрыть бронестворки! – приказал он. – Вручную! Вальд, бери монтировку!

– Сейчас!

Инженер оттолкнулся от стены и поплыл к механизму аварийного закрытия. Вейн помог ему. Вдвоем они навалились на рычаг гидравлического насоса. Рукоять шла туго. Механизм, деформированный чудовищным давлением снаружи, сопротивлялся.

– Давай! Еще! – хрипел Вейн.

С каждым качком насоса тяжелые титановые плиты медленно ползли вверх, закрывая страшную черноту за стеклом. Скрежет металла о металл был оглушительным.

Когда створки наконец сомкнулись с глухим ударом, в рубке стало совсем темно. Только красные огоньки приборов и лучи фонариков выхватывали из мрака бледные, потные лица экипажа.

– Мы внутри, – сказал Вейн. Это была не констатация факта, а приговор. – Мы внутри организма.

Корабль снова накренился. Теперь нос опускался вниз.

Гравитация, создаваемая вращением центрифуги жилого модуля, начала конфликтовать с внешней силой, создавая тошнотворный эффект укачивания.

– Статус реактора? – спросил Вейн, стараясь, чтобы голос звучал твердо. Паника сейчас убьет их быстрее, чем желудочный сок этого монстра.

– Заглушен, – отозвался Вальд. – Работаем на батареях. Хватит на сорок часов жизнеобеспечения. Если не включать регенераторы на полную.

– Связь?

– Мертва, – ответил Марк. – Эфир забит статикой. Плотность среды такая, что радиоволны не проходят и метра. Мы глухие и немые, Вейн.

– Лира?

Пилот сидела в кресле, откинув голову назад. Её руки безвольно лежали на коленях.

– Управление заблокировано, – тихо сказала она. – Внешние плоскости зажаты. Дюзы забиты... чем-то. Мы больше не космический корабль, Вейн. Мы батискаф. И мы тонем.

Вейн посветил фонариком на карту сектора, которая все еще висела на стене – бесполезный кусок пластика с нарисованными звездами, которых больше не было.

Он чувствовал, как корабль движется. Это было сложное движение – смесь падения, вращения и проталкивания сквозь узкую трубу. Стены рубки скрипели, принимая на себя чудовищное давление мышечной массы, сжимающей их

со всех сторон.

– Эстель, – Вейн направил луч света на биолога. – Что это такое? Ты говорила про ДНК. Про органику. Это животное?

Эстель подняла лицо. В красном аварийном свете она выглядела больной.

– Это не животное, Вейн. Животные имеют размер. А это... это экосистема. Замкнутая. Автономная. Мы не в желудке.

– А где?

– Судя по тому, как бережно оно нас проглотило... – она нервно хихикнула, и этот звук был страшнее крика. – Мы в инкубаторе. Или в матке.

Новый толчок, сильнее предыдущих, сбил Вейна с ног. Он ударился плечом о переборку, выронив фонарик. Луч света закувыркался в невесомости, вычерчивая безумные узоры на стенах.

Корабль застонал. Казалось, он достиг дна. Или упора. Движение прекратилось. Вибрация исчезла. Скрежет затих.

Наступила абсолютная, ватная тишина.

– Мы остановились? – шепотом спросил Марк.

– Или приехали, – ответил Вальд.

Вейн подобрал фонарик. Он чувствовал, как меняется давление в ушах. Корпус корабля остывал, потрескивая.

Они были живы. Пока что.

– Всем оставаться на местах, – сказал Вейн. – Вальд, контроль воздуха. Лира, мониторинг целостности корпуса. Эс-

тель... думай. Думай, что ему от нас нужно.

Он посмотрел на закрытые створки иллюминатора. Там, за броней, был мир, который не должен существовать. Мир, который только что проглотил их целиком и даже не поперхнулся.

Вейн понимал одно: правила игры изменились. Больше нет инструкций флота. Нет протоколов. Есть только темнота, тишина и пять человек в консервной банке, заброшенной в чрево бога.

И этот бог был голоден. Или, что еще страшнее, – любопытен.

Глава 5. Локация

Тишина пахла озоном и перегретым пластиком.

Александр Вейн открыл глаза. Первое, что он осознал – отсутствие боли. После перегрузки в четыре единицы, после того как «Пилигрим» смяло, словно алюминиевую банку, он ожидал проснуться в агонии. Сломанные ребра, вывихнутые суставы, вкус крови во рту – такова была цена выживания в аварийной посадке.

Но крови не было. Рёбра двигались свободно, втягивая спёртый воздух рубки.

Вейн моргнул. Аварийное освещение заливало командный отсек густым багровым светом. Тени от пустых кресел ломались на стенах. Гул реактора исчез. Вибрация корпуса, сопровождавшая их месяцами, прекратилась. Корабль был мёртв.

Вейн пошевелился. Щелкнул замок ремней безопасности.

Он ожидал невесомости. Или, наоборот, тяжести, если центрифуга сошла с оси. Но тело налилось привычным, даже слишком привычным весом. Ноги коснулись пола с уверенной твердостью.

– Лира? – собственный голос показался ему чужим, хриплым.

Тишина.

Вейн с трудом развернул кресло. Механизмы скрипели –

смазка загустела.

Экипаж был на местах. Лира Касс висела на ремнях, уронив голову на грудь. Торен Вальд, сторбившись, лежал на пульте инженера. Эстель и Марк в заднем ряду выглядели как сломанные куклы.

Вейн отстегнулся и встал. Голова закружилась, но не от удара, а от резкого прилива крови. Он сделал шаг к Лире, схватил её за плечо, встряхнул.

– Касс! Доклад!

Пилот судорожно втянула воздух, закашлялась. Её глаза распахнулись – мутные, расфокусированные.

– Тяга... – прошептала она, хватаясь за штурвал, который был мёртв. – Вектор...

– Отставить тягу, – Вейн проверил её зрачки фонариком. Реакция в норме. – Мы стоим.

– Стоим? – Лира моргнула, осмысливая. Она посмотрела на свои руки, потом на Вейна. – Мы живы?

– Вальд! Роан! Подъем! – рявкнул Вейн, не давая ей времени на истерику.

Инженер застонал, поднимая голову. На его лбу краснел отпечаток от клавиш клавиатуры. Эстель пошевелилась, потирая шею.

– Статус корабля, – скомандовал Вейн, возвращаясь к капитанскому пульту. – Мне нужно знать, где мы и что у нас осталось.

Вальд, шатаясь, подошел к своей станции. Его пальцы

неуверенно легли на сенсоры.

– Реактор заглушен аварийной защитой, – доложил он хрипло. – Работаем на резервных ячейках. Энергии – двенадцать процентов. Жизнеобеспечение в эконом-режиме.

– Центрифуга? – спросил Вейн.

Вальд замер. Он посмотрел на показания гравиметров, постучал пальцем по стеклу дисплея.

– Стоит. Вращения нет.

– Тогда почему я стою на ногах? – Вейн топнул ботинком по настилу. Звук был глухим, плотным.

– Гравитация внешняя, – тихо сказал Вальд. – Ровно 1.0 G.

– Земная? – переспросила Лира. – Не корабельная 0.8?

– Абсолютная единица. Как в палате мер и весов.

Вейн почувствовал, как по спине пробежал холодок. Это было неправильно. Если они внутри того существа, откуда там земная гравитация?

– Наружные камеры? – спросил он.

– Сгорели или заблокированы, – ответила Лира. – Вижу только черноту. Но... датчики среды работают.

– Что снаружи? Вакуум? Кислота?

Эстель Роан, наконец добравшаяся до своего терминала, вдруг издала странный звук. Смесь всхлипа и нервного смешка.

– Вейн, посмотри на это.

Капитан подошел к ней. Экран биоанализатора светился

мягким зеленым светом, диссонирующим с красной тревожной рубки. Цифры бежали ровными столбиками.

– Давление – 760 миллиметров ртутного столба, – читала Эстель, и её голос дрожал. – Температура – плюс двадцать два градуса Цельсия. Состав атмосферы: азот – 78 процентов, кислород – 21 процент, аргон – 0.9.

В рубке повисла тишина, еще более тяжелая, чем при пробуждении.

– Это ошибка, – сказал Вейн. – Датчики повреждены.

– Я запустила самодиагностику, – покачала головой Эстель. – Три контура подтверждают. Влажность сорок пять процентов. Радиационный фон... ниже, чем на Земле.

– Это невозможно, – пробормотал Марк Илар, выглядывая из-за спины биолога. – Мы влетели в глотку космическому монстру. Там должен быть аммиак, метан, давление в сотни атмосфер. Или вакуум.

– А там курорт, – закончила Лира.

Вейн отошел от пульта. Он прошелся по рубке. Четыре шага туда, четыре обратно. Его мозг, заточенный на решение тактических задач, буксовал. Угрозу можно просчитать. Атаку можно отбить. Но идеальные условия внутри чужеродного организма не укладывались ни в одну схему.

– Это ловушка, – сказал он твердо. – Или галлюцинация. Сущность воздействует на наши нейроинтерфейсы.

– Или на датчики, – предположил Вальд.

– Мы не будем проверять это легкими, – отрезал Вейн. –

Протокол «Черная биология». Всем надеть скафандры высшей защиты. Замкнутый цикл дыхания. Никакого контакта кожи с внешней средой.

– Вейн, – осторожно начала Эстель. – Если датчики правы, мы можем сэкономить кислород в баллонах. Ресурсы корабля на исходе.

– Если датчики врут, ты умрешь через секунду после разгерметизации, – Вейн посмотрел ей в глаза. Его взгляд был тяжелым, немигающим. – Это не Земля, Роан. Это утроба. И если там тепло и есть воздух, значит, это нужно ему, а не нам. Возможно, это пищеварительные ферменты в газообразной форме.

Он подошел к шкафу с аварийным снаряжением и рванул дверцу.

– Одеваться. Вальд, готовь шлюз к ручному открытию. Лира, бери табельное.

– Оружие? – Лира подняла бровь. – Против этой махины?

– Против того, что может жить в таком климате, – буркнул Вейн, вытягивая тяжелый, пахнущий резиной скафандр.

Он натянул штанину, чувствуя, как ткань привычно облегает тело. Это успокаивало. Скафандр был броней. Скафандр был границей между «я» и «оно».

Через пять минут они стояли в шлюзовой камере. Пять громоздких фигур в оранжевом пластике. Лица за щитками шлемов были бледными, напряженными. Вейн проверил герметичность каждого.

– Марк, идешь с нами. Будешь фиксировать телеметрию снаружи.

Связист кивнул. Его кадык нервно дернулся.

– Вальд, открывай.

Инженер налег на рычаг ручного привода внешней двери. Механизм, лишенный гидравлики, подавался тяжело. Шестерни скрежетали, словно перемалывали кости.

Вейн поднял импульсную винтовку, направив ствол в расширяющуюся щель.

Дверь поползла в сторону.

Сначала не было ничего. Темнота шлюза сменилась другой темнотой – внешней. Но потом глаза начали привыкать.

В шлюз не ворвался ураган. Не ударил мороз. Воздух снаружи был неподвижен.

Вейн шагнул к краю рампы. Подошвы магнитных ботинок лязгнули о металл. Он выглянул наружу, ожидая увидеть стены плоти или бесконечную черноту космоса.

Но то, что он увидел, заставило его опустить ствол.

– Господи, – прошелестел в наушниках голос Эстель.

Вейн не был верующим. Но сейчас у него не было других слов.

Глава 6. Состояние корабля

Шлюзовая камера выдохнула с шипением, которое в плотной атмосфере прозвучало неестественно громко. Лира Касс вздрогнула. В вакууме звук умирает на губах, но здесь, в этом странном чреве, акустика была жирной, осязаемой.

Она стояла первой у края аппарели. Тяжёлый скафандр высшей защиты сковывал движения, превращая её тело в неуклюжий механизм, но сейчас Лира была благодарна этой броне. За толстым композитным стеклом шлема она чувствовала себя пилотом, а не добычей.

– Выход, – скомандовал Вейн за её спиной.

Лира сделала шаг. Магнитные захваты на подошвах ботинок, рассчитанные на сталь обшивки, бесполезно лязгнули и отключились.

Она ступила на поверхность.

Ожидание удара, хруста или влажного чавканья не оправдалось. Почва под ногами спружинила. Это было похоже на ходьбу по очень плотному, дорогому гимнастическому мату. Лира перенесла вес, проверяя устойчивость. Поверхность держала идеально.

– Сенсоры? – голос Вейна в наушниках звучал напряжённо, но чётко.

– Чисто, – отозвалась Эстель. – Биохимия нейтральная. Никаких токсинов. Температура двадцать два.

Ли́ра подняла голову, оглядываясь.

Мир вокруг «Пилигрима» не был похож на пещеру. Здесь не было камня, сталактитов или влажных стен. Пространство уходило вверх и в стороны, теряясь в мягкой молочной дымке. Стены – если это были стены – светились сами по себе. Свет был ровным, бестеневым, бледно-зеленоватым, успокаивающим. Он напоминал свечение приборной панели в ночном режиме.

Это место выглядело стерильным. Ни слизи, ни грязи, ни обломков. Словно операционная, увеличенная до размеров стадиона.

– Идём к корме, – сказал Вейн. – Мне нужен осмотр двигателей. Вальд, Ли́ра – вперед. Эстель – держись в центре.

Ли́ра двинулась вдоль борта корабля. Её рука в перчатке скользнула по обшивке. Титан был тёплым. Обычно после гиперпрыжка корпус остывал часами, треща от температурных перепадов, но сейчас металл молчал.

Она знала каждый сантиметр этой машины. Знала, где находится царапина от микрометеорита, полученная три года назад в поясе Койпера. Помнила, как вибрирует левый топливопровод при подаче смеси. «Пилигрим» был её вторым телом. И сейчас, глядя на него со стороны, она чувствовала тошноту.

Корабль лежал на боку, слегка утонув в пружинистом полу. Но он не был смят. Ли́ра ожидала гармошку металла, следы чудовищного давления, которое вдавило их в кресла при

захвате. Но шпангоуты были целы.

– Странно, – пробормотал Торен Вальд, идя рядом. Инженер светил мощным фонарём на стыки плит. – Никаких структурных повреждений в носовой части. Краска даже не обгорела.

– Мы шли на форсаже, – напомнила Лира. – Дюзы должны были поплыть.

Они приближались к кормовой секции.

Она свернула за изгиб жилого модуля – и остановилась.

– Боги... – выдохнул Вальд.

Лира не закричала. Воздух словно сгустился в горле. Она просто смотрела.

Кормовая часть была... укорочена.

Не отсутствовала. Не уничтожена. А именно укорочена – как будто кто-то провёл идеально точную отсечку, удалив внешний слой конструкции вместе с частью силового кожуха.

Срез проходил по диагонали корпуса, начинаясь от нижнего стабилизатора и уходя вверх, пересекая броню, кабельные трассы, внешние контуры двигательных блоков. Не было рваных краёв. Не было деформации.

Только линия.

Безупречная.

Гладкая.

Лира подошла ближе. Провела пальцем по кромке.

Металл не оплавился. Он просто... закончился.

И там, где должна была быть открытая рана корпуса – находилась тонкая прозрачная плёнка. Она запечатывала обрезанные секции, как хирургическая мембрана.

– Оно не уничтожило системы, – тихо сказал Вальд, водя сканером. – Оно их изолировало.

– Подтверди, – резко сказал Вейн.

– Реактор фиксируется. Эхо сигнатуры есть. Но... как будто за стеной. Энергоканалы читаются. Контуров целы. Просто отрезаны от внешних интерфейсов.

Лири медленно моргнула.

– То есть...

– То есть двигатель на месте, – сказал инженер. – Но он отгорожен.

– Чем? – спросил Вейн.

Вальд коснулся мембраны сканером. Луч прошёл внутрь – и погас.

– Барьер. Не материальный. Полевая прослойка. Она блокирует сигналы, теплообмен, излучение. Абсолютная изоляция.

Эстель подошла ближе. Она не смотрела на металл – только на плёнку.

– Это не заплатка, – сказала она тихо. – Это капсула.

Лири смотрела на аккуратно отсечённый участок корпуса. На срезанные, но не разрушенные узлы. На кабели, уходящие в прозрачный барьер и исчезающие в нём, как в воде.

– Оно не разрушило нас, – произнесла она. – Оно... по-

ставило заглушку.

– Зачем? – спросил Вейн.

Ответ пришёл сам.

– Потому что реактор – это шум, – сказала Лира. – Излучение. Давление. Опасность. Оно не захотело уничтожить источник. Оно его изолировало.

Вальд медленно кивнул.

– Как хирург пережимает сосуд.

Лира отступила на шаг. Корабль лежал перед ней целый – и одновременно покалеченный. Всё было на месте. Всё работало. Но доступ к силе был отрезан.

Фантомная боль прошла по позвоночнику.

– Мы не мертвы, – тихо сказала она. – Мы... обездвижены.

Она посмотрела на гладкую линию среза. Ни заусенца. Ни трещины. Диаметр корпуса – двенадцать метров. И вся поверхность идеальна.

– Хирургия, – подтвердила Эстель. – Контролируемое разделение материи.

– Нас обезвредили, – сказал Вейн.

– Нас зафиксировали, – поправила Лира.

Она снова коснулась плёнки. Та была чуть тёплой. Почти живой.

– Вальд. Энергия.

– Внутренние батареи активны. Системы жизнеобеспечения функционируют. Реактор есть... но недоступен.

– Насколько хватит резервов?

– Дней на семь. В режиме экономии – дольше.

Вейн молчал.

Он смотрел на срез.

Лира знала этот взгляд. Он считал вероятности. И каждая новая цифра уменьшала свободу.

– Оно не враг, – тихо сказала она. – Враги ломают. А это... ограничивает.

Эстель подняла глаза.

– Мы для него не угроза.

– Пока, – ответил Вейн.

Он повернулся к команде.

– Работать. Вальд – анализ барьера. Эстель – образцы. Ли-ра – полный аудит систем. Если доступ к реактору заблокирован, значит существует способ разблокировать.

Он говорил спокойно. Командно. Но Лира слышала то, что он не произнёс:

значит существует замок.

Она ещё раз посмотрела на линию отсечения.

Корабль не был мёртв.

Он был заперт.

И если существует замок – существует и ключ.

– Идём, – тихо сказал Вальд, касаясь её плеча. – Лира.

Она не сразу сдвинулась. Её взгляд всё ещё был прикован к идеальному шраму на теле корабля.

– Ей не больно, – мягко добавил инженер.

Лира покачала головой.

– Это не ей больно.

Она провела ладонью по гладкой поверхности барьера – и только потом развернулась к шлюзу, чувствуя, как под ногами пружинит слишком заботливый пол их новой клетки.

Часть 2. Иммуный ответ

Глава 7. Инцидент

Марк Илар отстал всего на десять шагов.

Остальные члены экипажа – оранжевые, громоздкие фигуры в полумраке – двигались к носу корабля, обсуждая герметичность шлюзов. Их голоса в наушниках звучали плоско и деловито, создавая иллюзию нормальности. Но Марк не мог разделить это чувство. Его внимание приковала поверхность под ногами.

Он остановился и присел на корточки, тяжело дыша. Стекло шлема запотело от частого дыхания, и ему пришлось моргнуть, переключая фокус.

Это не был камень. И не металл. Материал, из которого состоял пол этой гигантской пещеры, слегка пружинил под весом скафандра. Марк коснулся его перчаткой. Через толстый слой композитной защиты он, конечно, ничего не почувствовал, но глаза видели, как поверхность прогнулась под пальцами. Мягко. Эластично.

Как кожа.

– Марк, не отставать, – голос Вейна в эфире хлестнул, как пощечина. – Мы не на экскурсии.

– Иду, – пробормотал Марк, но не сдвинулся с места.

Его взгляд скользнул к месту, где корпус «Пилигрима» соприкасался с «полом». Титановая обшивка корабля здесь, внизу, выглядела чужеродной. Мертвой. Холодный, серый металл, созданный людьми, врезался в теплую, светящуюся плоть этого мира. Корабль лежал здесь как заноза. Как инородное тело, которое организм еще не успел отторгнуть.

Марк заметил странный блеск в углублении под бортом. Там, где металл уходил в мягкую почву, скопилась влага. Прозрачная, густая субстанция, похожая на гель.

Любопытство – то самое, которое заставило его когда-то записаться в дальний поиск – пересилило страх. Он должен был увидеть это ближе. Взять пробу. Если это смазка, если это выделения...

Он сделал неуверенный шаг к корпусу.

Подошва магнитного ботинка, бесполезного на этой органике, наступила на край гелевой лужицы.

Сцепление исчезло мгновенно.

Это было не как на льду. Это было так, словно пол под ним вдруг стал жидким. Нога поехала вперед с ужасающей скоростью. Тяжелый ранец жизнеобеспечения за спиной сыграл роль маятника, опрокидывая Марка навзничь.

Он взмахнул руками, пытаясь ухватиться за воздух.

– Черт! – вырвалось у него.

Он упал не на спину. Инерция развернула его, бросив на бок, прямо под нависающее брюхо корабля.

Удар был жестким. Но не об пол.

Его правое бедро с размаху налетело на нижнюю кромку технического люка. Титановая пластина, отогнутая при посадке или деформированная давлением, торчала наружу острым, как бритва, углом.

Звук был отвратительным.

Хрр-р-руп.

Это не был звон металла. Это был звук разрываемой ткани. Многослойный кевлар, термоизоляция, герметичная подкладка – всё, что отделяло хрупкое человеческое тело от внешней среды, сдалось перед промышленным титаном.

Марк почувствовал тупой удар, а затем – холод.

Острый, пронзительный холод в бедре, который через секунду сменился жгучей, пульсирующей горячей волной.

– А-а-а! – крик сам вырвался из горла, оглушая его в тесном пространстве шлема.

Он дернулся, отползая от корабля. Скафандр теперь казался ловушкой. Он чувствовал, как внутри штанины становится мокро и тепло. Слишком тепло.

– Разгерметизация! – заорал он, глядя на свою ногу. – Вейн! Я пробит!

На правом бедре, чуть выше колена, зияла рваная дыра. Края оранжевой ткани потемнели, пропитываясь влагой. А потом из разреза выплеснулось.

Кровь.

Яркая, густая, насыщенно-красная человеческая кровь. В свете нашлемного фонаря она казалась почти черной.

Марк с ужасом смотрел, как крупные капли падают вниз. Гравитация работала безупречно. Жидкость не собиралась в шарики, как в невесомости. Она падала на светящийся пол.

Шлеп. Шлеп. Шлеп.

И тут произошло то, от чего Марк забыл о боли.

Пол не позволил крови растечься лужей. В тот момент, когда красная капля коснулась поверхности, светящаяся материя под ней дрогнула. Поры, невидимые глазу, раскрылись.

Кровь исчезла. Впиталась. Мгновенно. Без следа.

– Оно пьет... – прошептал Марк, чувствуя, как к горлу подступает тошнота. – Оно пьет меня!

Свет вокруг места падения капель изменился. Мягкое, молочно-зеленое сияние, заливавшее пещеру, вдруг потемнело. Пятно под ногами Марка налилось багровым цветом. Этот цвет начал пульсировать, расходясь концентрическими кругами, как рябь на воде.

Багровый. Цвет тревоги. Цвет мяса.

– Стоять! – голос Вейна в наушниках был громopodobным. – Марк, не двигайся!

Но Марк не мог не двигаться. Боль в ноге становилась невыносимой, а ужас перед тем, что происходило с полом, гнал его прочь. Он попытался встать, опираясь на здоровую ногу.

Новая порция крови хлынула из раны, орошая багровое пятно.

Поверхность под ним ответила.

Гул.

Он пришел не сверху, не от стен. Он пришел снизу, прямо через подошвы ботинок, через колени, через позвоночник. Глубокая, низкочастотная вибрация.

ВУМММ-МММ...

Это не было механическим звуком. Это было похоже на рычание гигантского пса, который почувствовал запах свежего мяса. Вибрация была требовательной. Голодной.

Стены пещеры, до этого спокойные и статичные, начали менять яркость. Свет замигал, подстраиваясь под ритм пульсации пятна крови.

– Капитан! – закричал Марк, зажимая рану перчаткой, но кровь сочилась сквозь пальцы, и пол жадно впитывал каждую каплю. – Оно знает! Оно знает, что мы здесь!

Вибрация усилилась. Теперь трясся сам «Пилигрим», скрежеща о металл.

Марк поднял глаза и увидел, как к нему бегут фигуры в скафандрах. Но он смотрел не на них. Он смотрел на то, как багровое сияние расползается от него во все стороны, словно сигнал тревоги, запущенный по нервной системе спящего бога.

Он нарушил стерильность. Он дал этому миру попробовать себя на вкус.

И миру это понравилось.

Глава 8. Первый контакт

– Контакт! – заорал Александр Вейн, вскидывая импульсную винтовку к плечу. – Марк, назад! Ползком!

Но Марк Илар не мог ползти. Он лежал в луже собственной крови, которая пульсировала багровым светом, и смотрел не на капитана, а за его спину. Туда, где светящаяся стена пещеры, еще секунду назад монолитная и гладкая, вдруг пошла волнами.

Гул, сотрясавший пол, перешел в высокий, визжащий звук разрываемой плоти.

Вейн развернулся на пятках, уходя с линии огня и одновременно выискивая цель. Его мозг, натренированный годами тактических симуляций, искал укрытия, углы обстрела, уязвимые точки. Но здесь не было укрытий. Здесь всё было врагом.

Стена лопнула.

Это не было похоже на открывающуюся дверь. Это выглядело так, словно из куска сырого теста выдавили начинку. Белесая, волокнистая масса отделилась от основного массива пещеры с влажным, чавкающим звуком ш-ш-ш-ляп.

Вейн ожидал увидеть солдат. Или зверей. Но то, что вывалилось из стены и шлепнулось на пружинистый пол, не имело ничего общего с привычной биологией.

Их было трое.

Они напоминали корневые системы вырванных деревьев, сплетенные в грубое подобие человеческой фигуры. Без кожи. Без лиц. Только клубки белых, влажных жил, перетянутые прозрачными мембранами. У них не было глаз, но они точно знали, куда идти.

Они не смотрели на Вейна. Они не смотрели на «Пилигрим». Их «головы» – слепые наросты из узловатой ткани – повернулись к багровому пятну на полу. К запаху железа и гемоглобина.

– Огонь на поражение! – скомандовал Вейн, когда первая тварь дернулась с места.

Движение существа было пугающим. Оно не бежало, не шло. Оно перетекало. Конечности-корни выбрасывались вперед, цеплялись за пол, и тело рывком подтягивалось следом. Это было похоже на движение сломанной марионетки, которую дергает эпилептик, но скорость была запредельной.

Вейн нажал на спуск.

Импульсная винтовка рявкнула, выплюнув сгусток перегретой плазмы. В замкнутом пространстве звук ударил по ушам, как молот.

Попадание было идеальным. Заряд ударил существу в центр грудной клетки, туда, где у человека было бы сердце.

Вспышка. Запах паленой органики.

Вейн увидел, как пучок белых волокон разлетелся в стороны, обнажая влажное, пульсирующее нутро. Дыра размером с кулак дымилась.

– Есть попадание! – крикнула Лира, вскидывая свой пистолет.

Но существо не упало. Оно даже не замедлилось. Оно не издало ни звука – ни рева боли, ни визга ярости. Его ноги-корни продолжали молотить по полу с той же механической ритмичностью. Рана на груди начала затягиваться прямо на ходу – края пробоины стягивались, выделяя густую прозрачную слизь.

– Цель не подавлена! – крикнул Вейн, чувствуя, как ледяной пот течет по спине под скафандром. – Вальд, Эстель, оттаскивайте Марка! Живо!

Он перевел переключатель огня в режим очереди.

Винтовка забилась в руках, выплевывая смерть. Вейн крошил белесые тела, отстреливая конечности, вспарывая животы. Плазма жгла, рвала, уничтожала.

Но это не работало.

Оторванная «рука» одного из существ упала на пол, но само оно продолжало двигаться на трех конечностях, не меняя вектора. Они не боялись. У них не было инстинкта самосохранения. Они были функцией, облеченной в плоть.

– Они не атакуют! – крикнула Эстель, хватая Марка за лямки скафандра и пытаясь тащить его по скользкому полу. – Вейн, они идут мимо нас!

Это было правдой. Кошмарные корневые големы игнорировали стреляющего в них капитана. Один из них пронесся в метре от Вейна, обдав его запахом сырости и мускуса, но

даже не попытался ударить.

Их целью был Марк.

– Не подпускать! – заорал Вейн, меняя магазин. – Лира, бей по ногам!

Лира стреляла прицельно, сбивая ритм бега тварей, но их было уже не трое. Из пола, прямо под килем корабля, вспучивались новые бугры. Среда рождала защитников. Иммунная система проснулась.

Четвертое существо выросло прямо перед Эстель.

Биолог вскрикнула, отпуская Марка, и попятилась. Существо нависло над ней. Оно было огромным, метра два с половиной в высоту. Его тело состояло из толстых, перевитых канатов, внутри которых циркулировала мутная жидкость.

– Как садовники... – выдохнул Вальд.

– Уйди! – Эстель выставила перед собой руки.

Существо не ударило её. Оно совершило движение, похожее на ленивый взмах дворника по стеклу. Длинный, гибкий отросток мягко, но с непреодолимой силой отодвинул женщину в сторону.

Эстель отлетела на несколько метров, врезавшись спиной в опору шасси «Пилигрима».

– Эстель! – Вальд бросился к ней, забыв про Марка.

В этот момент Садовники добрались до цели.

Вейн видел это в замедленной съемке. Марк, белый от боли и ужаса, пытался отползти, оставляя за собой широкий красный след. Садовники накрыли его.

Они не рвали его на части. Они не кусали. Их действия были тошнотворно аккуратными.

Первое существо наступило на здоровую ногу Марка, прижимая её к полу. Второе перехватило его руки.

– Нет! Нет! Вейн! – вопил связист, и его голос в эфире срывался на визг. – Уберите их! Они холодные!

Вейн бросился вперед. Он больше не стрелял – боялся задеть своего. Он перехватил винтовку как дубину.

– Отпустите его, твари!

Он с размаху ударил ближайшего Садовника прикладом по тому месту, где должна быть шея. Удар был такой силы, что композитный пластик приклада треснул.

Существо даже не шелохнулось. Оно просто поглотило импульс удара своей вязкой плотью. А потом отреагировало.

Из его спины, словно выстрел паутины, вырвался сгусток серой пены.

Вейн не успел уклониться. Липкая, тяжелая масса ударила его в грудь, сбивая с ног. Он рухнул на спину, пытаясь вдохнуть, но пена мгновенно начала твердеть. Она сковала руки, приклеила винтовку к груди, залепила обзорное стекло шлема.

– Капитан! – голос Лиры.

– Не подходить! – прохрипел Вейн, дергаясь в путах.

Это был не клей. Это была быстрорастущая ткань. Он чувствовал, как она сжимается, фиксируя его конечности. Он был обездвижен, как младенец.

Сквозь мутную пленку на шлеме он видел размытые силуэты.

Садовники работали над Марком.

Они окружили его плотным кольцом. Их конечности двигались с невероятной скоростью, сплетая вокруг раненого кокон.

– Мама... – донесся тихий всхлип Марка. – Оно жжется...

– Что вы делаете?! – кричал Вальд, который тоже был прижат к полу – его ноги оплели вырвавшиеся из «почвы» лианы.

Вейн видел, как один из Садовников наклонился к раненому бедру Марка. Из "ладони" существа выдвинулся тонкий, прозрачный шип. Оно вонзило его прямо в разрыв скафандра.

Марк дернулся, ещё и затих.

– Он убил его? – прошептала Лира. Она единственная осталась на ногах, но её пистолет был опущен. Она поняла то, что понял Вейн: стрелять бесполезно.

– Нет, – голос Эстель был слабым, дрожащим. – Это не убийство. Это анестезия. Или паралич.

Садовники действовали слаженно, как единый организм. Они заливали Марка той же серой пеной, которой обездвижили Вейна. Слой за слоем. Закрывая дыру в скафандре. Закрывая ноги. Тело. Шлем.

Через десять секунд на полу не было человека. Там лежал серый, продолговатый кокон, похожий на гигантскую кукол-

ку шелкопряда.

Кровь на полу исчезла. Садовники вылизали поверхность своими пористыми телами, не оставив ни молекулы загрязнения. Багровое сияние пола начало угасать, возвращаясь к спокойному зеленому спектру.

Вибрация стихла.

Вейн лежал, не в силах пошевелиться. Он чувствовал себя униженным. Раздавленным. Он, боевой офицер, капитан корабля, был нейтрализован куском биомассы, который даже не посчитал его угрозой. Его просто убрали с дороги, как мусор, мешающий уборке.

Садовники подняли кокон.

Три существа подхватили упакованного Марка с легкостью, словно он ничего не весил. Они синхронно развернулись.

– Куда?! – заорал Вейн, напрягая все мышцы, пытаясь порвать путы. – Куда вы его тащите?!

Никто не ответил. Существа не издавали звуков. Только влажное шлепанье их конечностей.

Они двинулись прочь от корабля, вглубь пещеры, туда, где молочный туман скрывал горизонт. Их движения были плавными, успокаивающими. Они несли драгоценный груз.

– Лира... – прохрипел Вейн. – Преследовать...

– Я не могу, Вейн, – ответила она тихо. – Они заблокировали проход.

Вейн косил глаза. Та часть пены, что попала на стек-

ло, начала истончаться, становясь прозрачной, но оставаясь твердой. Он увидел, что вокруг «Пилигрима» выросла стена. За те секунды, что шла схватка, пол вокруг корабля поднялся, образовав барьер высотой по пояс.

Садовники уходили. Их белесые спины растворялись в тумане.

Марк Илар, связист экспедиции, человек, который боялся темноты, исчез вместе с ними.

– Это не враги, – вдруг сказала Эстель. Она сидела у опоры шасси, держась за ушибленный бок. – Вейн, ты понял? Они не атаквали нас. Они пришли на сигнал бедствия.

– Они забрали моего человека, – процедил Вейн. Он чувствовал, как пена на груди начинает медленно, очень медленно распадаться, теряя хватку.

– Они забрали поврежденный элемент, – поправила Эстель. – Марк истекал кровью. Он загрязнял среду. Они его... изолировали.

– Изолировали? – Вейн наконец смог оторвать правую руку от груди с треском рвущейся субстанции. – Они упаковали его как еду!

– Нет, – Эстель покачала головой. – Пауки пакут еду. А санитары пакут раненых.

Вейн сел, сдирая с себя остатки клейкой дряни. Винтовка валялась рядом, покрытая слизью, бесполезная и жалкая.

Он смотрел вслед ушедшим тварям. Внутри него кипела холодная, белая ярость. Но под этой яростью шевелился

страх нового порядка. Страх перед силой, которая не хочет тебя убить, но которая имеет полное право делать с тобой всё, что посчитает нужным ради твоего же блага.

– Вальд, – бросил Вейн, поднимаясь на ноги. – Помоги Эстель. Лира, проверь шлюз.

– Что мы будем делать? – спросил инженер, отлепляя лианы от своих ног.

Вейн поднял винтовку. Протер прицел пальцем перчатки.

– Мы пойдем за ними. Никто не остается.

Но он понимал, что это бравада. Садовники унесли Марка не в логово монстра. Они унесли его вглубь организма, частью которого они сами являлись. И воевать с ними – это всё равно что воевать с лейкоцитами в собственной крови.

Тишина вернулась в пещеру. Идеальная, стерильная тишина, в которой не было места ни боли, ни грязи, ни выбору.

Глава 9. Транспортировка

Пена, сковавшая Эстель, потеряла прочность мгновенно.

Секунду назад это был твердеющий бетон, сжимающий грудную клетку так, что каждый вдох давался с боем. А теперь вещество рассыпалось в серую труху, похожую на сухой пепел.

– Они сбросили захват! – прохрипел Вейн, с треском разрывая остатки пут на руках. – Марк!

Эстель Роан упала на колени, когда поддержка исчезла, но тут же вскочила. Её взгляд биолога, даже сквозь панику, зафиксировал изменение. Химия процесса была очевидна: как только раздражитель – истекающий кровью Марк – был удален из зоны, защитная реакция среды отключилась. Иммунная система перестала видеть в них угрозу. Они снова стали нейтральными объектами.

– За ними! – скомандовал капитан.

Он рванул вперед, скользя на подошвах по упругому полу. Лира и Вальд, освободившиеся секундой позже, бросились следом. Эстель замыкала группу, на бегу проверяя показания биосканера на запястье.

– Вейн, осторожно! – крикнула она в эфир. – Среда меняется!

Они бежали не в темноту. Туман, скрывавший горизонт пещеры, рассеивался. Садовники, несущие серый кокон с

Марком, двигались удивительно быстро для существ, лишенных нормальной анатомии. Их конечности-корни не топали, а перетекали, создавая эффект скольжения.

Но самым странным было то, куда они направлялись.

Впереди, метрах в ста от места аварии, ровный пол начинал вспучиваться. Это не было похоже на геологический подъем. Это напоминало воспаление ткани или рост опухоли, только ускоренный в тысячи раз. Гладкая, светящаяся поверхность формировала пологий пандус, ведущий к возвышению.

– Они не прячутся, – выдохнула Лира. – Они идут наверх.

Эстель видела, как архитектура мира перестраивается под ситуацию. Стены, которые раньше казались монолитными, начали расходиться.

Это было зрелище одновременно величественное и тошнотворное. Гигантские пласты органической материи раздвигались беззвучно, открывая вход. Это не напоминало ни пещеру, ни шлюз. Это было похоже на раскрытие бутона цветка.

Лепестки плоти, толщиной в метры, отгибались наружу, формируя арку. Изнутри лился свет – не холодный зеленый, как снаружи, а теплый, густой, янтарно-золотой.

– Не стрелять! – крикнула Эстель, видя, как Вейн вскидывает винтовку. – Мы заденем Марка!

Садовники влетели в этот проход, не сбавляя темпа.

– Быстрее! – рыкнул Вейн.

Экипаж ворвался в янтарный свет следом за похитителями.

Эстель ожидала увидеть логово. Слизь, кости, остатки других жертв. Но то, что предстало перед ними, заставило её замереть, едва не врезавшись в спину Вальда.

Это было помещение.

Идеально круглое, куполообразное пространство диаметром метров тридцать. Стены здесь были не гладкими, а фактурными, покрытыми сложным узором из мягких, пористых сот. Свет исходил отовсюду, создавая бестеневое, успокаивающее освещение. Здесь было сухо. И тепло – датчики скафандра показали скачок температуры до плюс двадцати пяти.

– Что это за место? – прошептала Лира.

В центре зала, на небольшом возвышении, которое выросло из пола прямо на глазах Эстель, Садовники положили свою ношу.

Это был не жертвенный алтарь. И не обеденный стол. Форма возвышения повторяла контуры человеческого тела. Анатомическое ложе.

– Они его распаковывают, – сказал Вальд.

Вейн держал существ на прицеле, но палец его замер на спусковом крючке. Ситуация была патовой. Три Садовника стояли вокруг Марка так плотно, что любой выстрел гарантированно задел бы связиста.

Существа действовали синхронно. Их корневые пальцы

двигались с хирургической точностью. Серая пена, в которую был закатан Марк, начала таять. Но не вся. Она исчезла с лица, открывая бледную кожу и закрытые глаза, и с правой ноги – там, где зияла рана. Остальное тело осталось зафиксированным.

– Марк! – крикнул Вейн. – Марк, ты слышишь меня?

Связист не ответил. Его голова безвольно мотнулась, когда один из Садовников поправил его положение.

– Он без сознания, – констатировала Эстель, приближаясь на шаг. Страх уступил место профессиональному трансу. Она смотрела не на монстров, а на процесс. – Вейн, смотри на рану.

Самый крупный из Садовников, тот, что стоял у ног Марка, поднял конечность. На конце пучка волокон набух прозрачный пузырь. Он лопнул без звука, и густая, светящаяся оранжевым светом субстанция полилась прямо на разорванный скафандр и окровавленное бедро.

– Кислота? – дернулась Лира.

– Нет, – Эстель покачала головой. – Гель. Биоактивный гель.

Марк вдруг выгнулся дугой.

Его рот открылся в беззвучном крике. Глаза распахнулись, но в них не было осмысленности. Зрачки расширились до предела, заполнив радужку чернотой.

– Ему больно! – заорал Вальд. – Вейн, стреляй!

– Отставить! – голос Эстель прозвучал неожиданно жест-

ко, перекрывая панику мужчин. – Смотрите на мониторы!

Она вывела телеметрию скафандра Марка на общий канал. Графики, которые секунду назад показывали тахикардию и болевой шок, вдруг рухнули вниз.

Пульс – 120... 90... 60.

Давление – норма.

Уровень кортизола – падение до нуля.

Уровень эндорфинов – вертикальный взлет.

Марк перестал выгибаться. Он обмяк на ложе, словно из него вынули кости. Его лицо, искаженное гримасой ужаса, разгладилось. Рот закрылся. Веки опустились, но не до конца – из-под ресниц был виден белок. На губах появилась слабая, блаженная и абсолютно неуместная улыбка.

– Он... кайфует? – спросил Вальд с недоверием.

– Это анестезия, – быстро сказала Эстель, лихорадочно анализируя данные. – Мощнейший нейроблокатор. Или наркотик. Они отключили ему боль.

– Они лечат его? – Вейн опустил ствол винтовки на пару сантиметров. В его голосе звучало то же недоумение, что чувствовала Эстель.

– Они герметизируют пробой, – поправила она. – Смотрите.

Оранжевый гель, покрывший ногу Марка, начал твердеть.

Он заполнил рану, смешался с остатками ткани скафандра и создал новую, полупрозрачную заплатку. Кровотечение остановилось мгновенно.

Садовники замерли.

Они не отступили, не исчезли. Они просто остановились, как роботы, выполнившие программу. Три безликие фигуры из переплетенных корней стояли вокруг ложа, склонившись над пациентом. Их позы не выражали угрозы. Это были позы врачей, наблюдающих за действием лекарства.

В зале повисла тишина. Только тихое, ритмичное гудение стен нарушало покой.

– Вейн, – тихо сказала Лира. – Посмотри на стены.

Эстель подняла взгляд. Стены купола пульсировали в такт дыханию Марка. Янтарный свет становился ярче на вдохе и тускнел на выдохе.

– Это инкубатор, – повторила Эстель свою догадку, которая теперь превращалась в уверенность. – Мы внутри системы жизнеобеспечения. Марк повредился. Система его чинит.

– Чинит, чтобы съесть потом? – мрачно спросил Вейн.

– Мы не едим тех, кого лечим, – возразила Эстель. – Мы едим тех, кого убиваем. А они потратили на него ресурсы. Сложные биополимеры. Анестезию. Это... это инвестиция.

Она сделала еще шаг к алтарю. Садовники не шелохнулись. Они позволили ей подойти.

Марк лежал в коконе из пены, с ногой, залитой светящим-

ся янтарем. Он выглядел как муха в меду. Но его дыхание было ровным, глубоким. Слишком ровным для человека, который только что чуть не умер от потери крови.

– Мы забираем его, – сказал Вейн. – Вальд, Лира – берите за плечи. Эстель, следи за тварями.

Вальд и Лира подошли к ложу. Инженер протянул руки к плечам Марка.

Садовники не отреагировали.

Но когда Вальд попытался приподнять связиста, тело не сдвинулось.

– Он прирос, – глухо сказал Вальд. – Ложе... оно держит его. Пена срослась с постаментом.

– Режь, – приказал Вейн.

Вальд достал лазерный резак. Луч коснулся серой субстанции.

И тут стены пещеры вспыхнули тревожным багровым светом. Садовники одновременно повернули свои безликие головы к инженеру. Один из них поднял конечность – медленно, предупреждающе.

– Стоп! – крикнула Эстель. – Вальд, убери резак! Ты запускаешь протокол угрозы!

Инженер отдернул руку. Свет тут же вернулся к мягкому янтарию. Садовник опустил конечность.

– Мы не можем его забрать, – поняла Эстель. Холод осознания прошел по позвоночнику. – Пока процедура не закончена, он – собственность больницы.

– Это не больница, Роан, – прошипел Вейн. – Это тюрьма.

– Нет, Вейн. Это хуже.

Эстель посмотрела на блаженное лицо Марка, на идеальную чистоту вокруг, на заботливых монстров, застывших в карауле.

– Больница предполагает, что ты можешь отказаться от лечения, – сказала она. – А здесь у нас нет права подписи.

Они стояли в центре теплого, светящегося зала, окруженные заботой, которая была страшнее любого насилия. Марк был жив. Марку было хорошо. И именно это пугало Эстель больше всего.

Потому что в этом мире боль была единственным доказательством того, что ты все еще принадлежишь самому себе. А Марк это право только что потерял.

Глава 10. Последствия

– Периметр! – рявкнул Александр Вейн. – Круговая оборона! Спиной к алтарю!

Его голос в шлемофоне прозвучал слишком громко, разрушая ватную тишину Янтарного зала. Но команда сработала на рефлексх. Лира Касс метнулась влево, перекрывая сектор выхода. Торен Вальд, тяжело дыша, занял позицию справа, подняв лазерный резак как оружие ближнего боя. Эстель Роан осталась у изголовья ложа, где лежал заплетенный Марк.

Вейн вскинул винтовку, вода стволом по дуге.

– Держать цели! – скомандовал он. – При любой попытке приблизиться – огонь без предупреждения!

Но цели не собирались приближаться.

Три Садовника, завершив процедуру упаковки, синхронно отступили от постаментов. Они двигались с той же пугающей, текучей грацией, которая так не вязалась с их грубым, корневым строением. Они не смотрели на людей. Для них вооруженные фигуры в оранжевых скафандрах были невидимы, словно мебель.

Существа подошли к стенам пещеры. Не к выходу, через который ворвался экипаж, а к глухим, монолитным переборкам, покрытым узором из пористых сот.

– Они окружают, – выдохнула Лира. – Вейн, они заходят

с тыла!

– Вижу!

Вейн прицелился в спину ближайшего существа. Палец на спусковом крючке дрожал. Он ждал резкого разворота, атаки, броска пены.

Но Садовник не развернулся. Он просто шагнул в стену.

Это выглядело как нарушение законов физики. Твердая, фактурная поверхность стены в точке контакта вдруг потеряла плотность. Она стала вязкой, как густое тесто или нагретый воск. Белесое тело существа погрузилось в эту субстанцию без усилия. Стена обволокла его, поглотила плечи, "голову", спину.

Секунда – и поверхность за ним сомкнулась.

Текстура сот восстановилась мгновенно. Ни шва, ни следа, ни ряби. Только что там стоял двухметровый гигант из жил и мышц, а теперь – глухая стена.

– Второй ушел! – доложил Вальд. – Третий... чисто.

Вейн опустил винтовку, чувствуя, как адреналин, не нашедший выхода, начинает жечь вены. Он быстро огляделся. Зал был пуст. Входная арка, через которую они вбежали, начала медленно сужаться, лепестки плоти смыкались, отрезая путь к отступлению, но внутри не осталось никого, кроме экипажа «Пилигрима».

– Статус? – бросил Вейн, не убирая палец со скобы.

– Чисто, – эхом отозвалась Лира. – Тепловых сигнатур нет. Движения нет.

Наступила тишина.

Она была абсолютной. Здесь, в глубине организма, не было даже гула вентиляции, к которому они привыкли на корабле. Не было вибрации палубы. Только собственное дыхание Вейна, шум крови в ушах и едва слышный электрический писк приборов скафандра.

Эта тишина давила сильнее, чем грохот боя. Она была стерильной. Выжидающей.

Вейн медленно подошел к стене, в которой исчез Садовник. Он ожидал увидеть люк, замаскированный проход, хоть какую-то щель. Но перед ним была сплошная, бугристая поверхность цвета старой слоновой кости.

Он ударил по ней прикладом.

Глухой, костяной стук. Стена была твердой, как бетон.

– Как они это делают? – спросил он, не оборачиваясь. – Роан?

– Фазовый переход материи, – голос Эстель звучал спокойно, слишком спокойно для человека, запертого в желудке чудовища. Она уже работала сканером над телом Марка. – Они управляют плотностью среды. Для них здесь нет стен. Для нас – есть.

Вейн развернулся к центру зала.

– Что с Марком?

Эстель склонилась над "алтарем". Марк лежал неподвижно. Его лицо, освобожденное от пены, выглядело пугающе умиротворенным. Рот был чуть приоткрыт, веки не дрожали.

– Он в глубокой коме, – доложила Эстель. – Медикаментозной. Жизненные показатели идеальные. Сердцебиение ровное, оксигенация сто процентов.

– Рана?

– Запечатана.

Вейн подошел ближе. То, что раньше было рваной дырой в скафандре и плоти, теперь покрывала полупрозрачная мембрана. Гель, который нанесли Садовники, затвердел, превратившись в гибкий, янтарный пластырь. Сквозь него было видно, что края раны стянуты. Крови не было.

– Это не просто клей, – Эстель провела сенсором над мембраной. – Это активная биологическая повязка. Она синтезирует кожу. Вейн, регенерация идет в десятки раз быстрее нормы. К утру от раны останется только шрам.

– Если мы доживем до утра, – буркнул Вальд, опуская резак. – Мы заперты. Вход закрылся.

Вейн посмотрел на то место, где была арка. Теперь там была такая же стена из пористых сот. Они находились в идеальной сфере, без окон и дверей.

– Мы в безопасности, – вдруг сказала Лира. Она стояла посреди зала, опустив пистолет.

– С чего ты взяла? – резко спросил Вейн.

– Послушай тишину, Вейн. Никто не ломится. Никто не пытается нас убить. Садовники сделали свою работу и ушли. Мы для них не враги. Мы... пациенты в палате.

– Пациенты могут уйти, когда захотят, – возразил Вейн.

– А мы замурованы.

Он подошел к ближайшей стене и прижал к ней ладонь в перчатке. Поверхность была теплой. Не горячей, а именно живой, температуры человеческого тела.

– Эстель, просканируй это, – приказал он, кивнув на стену. – Я хочу знать, из чего состоит наша тюрьма. Можно ли это прожечь или взорвать.

Биолог неохотно отошла от Марка. Она поднесла портативный анализатор к бугристой поверхности. Зеленый луч пробежал по "сотам".

– Плотность высокая, – начала она читать данные. – Структура пористая, но прочная. Кальций, фосфор, коллагеновая матрица.

– Бетон? – спросил Вальд.

– Кость, – ответила Эстель. Она подняла глаза на капитана. – Это кальцинированная органика. Как коралл или внутренняя поверхность раковины. Но она пронизана капиллярами.

Она указала на экран, где пульсировала схема.

– Видишь эти нити? Это нервные волокна. Вся эта пещера – живая ткань. Если мы начнем резать стену, мы причиним боль всему организму.

– И тогда вернутся Садовники, – закончил мысль Вейн. – И упакуют нас всех.

Он отошел от стены, чувствуя, как пространство сжимается вокруг него. Это была идеальная ловушка. Стены, кото-

рые чувствуют боль. Стражи, которые ходят сквозь стены. И товарищ, который лежит в наркотическом блаженстве, приросший к полу.

– Занять оборону, – скомандовал он, хотя понимал бессмысленность приказа. – Вальд, следы за стенами. Лира, контроль воздуха. Эстель, не отходи от Марка.

– Мы будем просто стоять? – спросила Лира. В её голосе звучала усталость, граничащая с истерикой.

– Мы будем ждать, – ответил Вейн. – Пока что это единственное, что нам позволено.

Он встал так, чтобы видеть весь зал. Винтовка оттягивала руки. Ноги в тяжелых магнитных ботинках налились свинцом. Адреналин уходил, оставляя после себя опустошение и дрожь в коленях.

Они стояли в центре янтарного пузыря, затерянного в бесконечном теле космического левиафана. И левиафан молчал. Это молчание было страшнее любого рева. Оно говорило: вы здесь надолго. Привыкайте.

Но как только дыхание Марка выровнялось, а янтарный гель на его бедре окончательно затвердел, глухая костяная стена позади них дрогнула. Она беззвучно разошлась в стороны, открывая проход обратно в темные туннели. Карантин был снят. Пациент был стабилен, и "больница" выписывала их.

Часть 3. Адаптивная клетка

Глава 11. Первый триггер

Ноги больше не держали. Это не было решением – просто гравитация победила волю. Лира почувствовала, как коленные чашечки словно налились свинцом, а икры свело тупой, ноющей судорогой. Адреналин, который гнал их через каменные кишки этого места, выгорел без остатка, оставив после себя только пепел усталости и дрожь.

Она остановилась. Впереди спина Вейна – прямая, напряжённая, затянутая в грязный комбинезон – продолжала двигаться, разрезая лучом фонаря густую темноту.

– Лира, не отставать, – голос капитана звучал глухо, искажённый акустикой пещеры. – Мы не знаем, стабилен ли свод.

– Мне плевать, – выдохнула она. Звук собственного голоса показался ей чужим, скрежещущим. – Мне нужно сесть. Прямо сейчас. Или я упаду мордой в пол.

Она не стала ждать ответа. Шагнула в сторону, к неровной, бугристой стене, и привалилась к ней плечом. Камень был холодным. Этот холод мгновенно прошил ткань комбинезона, коснулся влажной от пота кожи, заставив поёжиться. Но это было лучше, чем стоять.

Лира сползла вниз, царапая спиной минеральные выступы

пы. Жёстко. Неудобно. Задница коснулась пола, и удар отдался в позвоночник. Она вытянула ноги, чувствуя, как гудят перенапряжённые мышцы.

Вейн остановился. Луч его фонаря метнулся назад, ударил Лире в лицо, заставив зажмуриться.

– Подъём, Механик. Это приказ.

– Дай мне минуту, Саша, – прохрипела она, используя имя как щит. – Просто... минуту. Здесь холодно, как в море.

Рядом тяжело опустился Вальд. Инженер выглядел не лучше: лицо серое, под глазами залегли глубокие тени. Он опёрся рукой о колено, тяжело дыша.

– Пусть посидит, Вейн, – просипела Лира. – Датчики молчат. Воздух чистый. Мы не роботы.

Лира закрыла глаза, откинув голову назад. Затылок упёрся в твёрдый выступ. Холод камня вгрызался в лопатки, заставляя мышцы спазмировать. Она поерзала, пытаясь найти положение, в котором острые грани породы не так сильно давили бы на позвонки.

– Чёртов камень, – пробормотала она, не открывая глаз. – Даже стены здесь хотят тебя доломать.

И тут что-то изменилось.

Сначала исчез холод. Это произошло не мгновенно, но слишком быстро для физики камня. Ледяная поверхность за спиной перестала тянуть из неё тепло. Она нагрелась. Нет, не нагрелась – она выровняла температуру. Стала нейтраль-

ной, словно Ли́ра прислонилась к кому-то живому, кто уже давно сидит здесь и греет место.

Ли́ра нахмурилась, но глаз не открыла. Усталость была сильнее подозрения.

Затем изменилась плотность.

Острый выступ, который впивался в правую лопатку, перестал давить. Он не откололся, не сместился. Он просто... ушёл внутрь. Стена за её спиной медленно, тягуче подалась назад.

Это напоминало погружение в густую, очень плотную глину. Или в дорогой ложемент пилота, набитый умной пеной. Материал стены мягко прогнулся под весом её плеч, принимая форму тела.

Ли́ра судорожно вздохнула. Напряжение в шее, мучившее её с момента аварии, вдруг исчезло. Стена деликатно вспучилась именно там, где требовалась поддержка шейным позвонкам.

– Ли́ра? – голос Вейна звучал настороженно. Он заметил, как изменилась её поза.

Она не ответила. Ощущение было слишком... правильным.

Пол под ней тоже пришёл в движение. Это не было похоже на землетрясение или вибрацию механизмов. Это было беззвучное, текучее изменение геометрии. Твёрдый камень под бёдрами стал вязким. Он просел, создавая идеальное углубление, распределяя вес так, чтобы снять нагрузку с тазобе-

ренных суставов.

Снизу, под коленями, медленно вырос мягкий валик, приподнимая ноги ровно на ту высоту, которая требовалась для полного расслабления.

Это было блаженство. Абсолютный, наркотический комфорт, которого не могло существовать в дикой пещере.

Стена обнимала её. Материал мягко обволакивал поясницу, заполняя каждый изгиб, поддерживая, убаюкивая. Тепло стало отчётливым. Оно пульсировало, проникая сквозь ткань комбинезона, согревая почки, разгоняя кровь.

Лира расслабилась, позволяя этому «креслу» забрать её вес.

– Как... удобно... – прошептала она, и уголки губ дрогнули в полуулыбке.

Вейн шагнул к ней.

– Лира, вставай. Быстро.

Его тон разрезал туман дрёмы. Лира открыла глаза.

Она посмотрела вниз, на свои руки. Ладони лежали на полу, но пол больше не был плоским. Из камня выросли широкие, гладкие подлокотники, идеально повторяющие форму её предплечий. Материал был тёмно-серым, матовым, и на ощупь напоминал тёплую, сухую кожу.

Он слегка пружинил под пальцами.

В мозгу щёлкнул предохранитель.

Она сидела не на камне. Она сидела внутри чего-то, что

подстраивалось под неё. Стена не просто стала мягкой – она реагировала. Она чувствовала, где у Лиры болит, и меняла форму, чтобы убрать боль.

Это было интимнее, чем прикосновение врача. Это было вторжение.

Стена знала её анатомию.

– А-а-а! – крик вырвался из горла сам собой, резкий, панический.

Лира дёрнулась всем телом. «Умная пена» на секунду удержала её, словно не желая отпускать из уютных объятий, но потом с чмокающим звуком отлепилась.

Механик перекатилась вперёд, упала на четвереньки, сдвигая ладони о всё ещё твёрдый пол в метре от стены, и отползла, перебирая ногами, как краб.

– Не трогай! Не трогай меня!

Она вскочила, тяжело дыша, и попятилась, пока не врезалась спиной в Вейна. Капитан схватил её за плечи, удерживая, но сам смотрел не на неё.

Вальд включил свой мощный наплечный фонарь. Три луча скрестились на том месте, где только что сидела Лира.

Стена не вернулась в исходное состояние.

Из серого монолита выступало идеально сформированное кресло. Оно было анатомически безупречным. Глубокое сиденье, высокая спинка с подголовником, валики под ноги, широкие подлокотники.

Это был слепок тела Лир. Памятник её усталости, отли-

тый из неизвестной материи.

Поверхность «кресла» больше не двигалась. Она застыла, сохраняя каждую складку её комбинезона, каждый изгиб её позвоночника. Оно выглядело приглашающе. Оно выглядело так, словно было создано специально для неё и ждало её здесь миллионы лет.

– Что это за хрень? – прошептал Вальд. В его голосе не было страха, только густое, тяжёлое удивление.

– Оно... оно мягкое, – Лира вытерла ладони о штаны, словно пытаясь счистить невидимую слизь. Её трясло. – Оно стало тёплым. Оно меня обнимало, Вейн.

Капитан молчал. Он медленно поднял винтовку, но дуло смотрело в пол. Стрелять было не в кого. Стена не нападала. Стена просто предложила отдохнуть.

Выступ подлокотника, ещё секунду назад бывший вязким, теперь казался твёрдым, как кость. Тишина в пещере стала плотной, ватной.

Вальд сделал шаг вперёд. Он медленно протянул руку к идеально гладкому подголовнику, где ещё оставался отпечаток затылка Леры.

Глава 12. Тест Роршаха

Вальд смотрел на кресло.

В свете фонарей оно казалось вырезанным из серой кости, отполированной тысячелетиями. Но он знал, что мину-ту назад здесь была лишь грубая, шершавая стена пещеры. Он провёл рукой по спинке. Материал был твёрдым, холод-ным и абсолютно гладким. Ни швов, ни стыков. Монолит.

Лира всё ещё пятилась, её дыхание со свистом вырыва-лось из горла. Вейн держал винтовку наготове, но дуло гуля-ло из стороны в сторону, не находя цели.

– Оно ждало меня, – бормотала Механик, вытирая ладони о штанины, словно пытаясь стереть невидимую грязь. – Оно знало, как я сяду. Оно знало форму моей задницы, Вальд! Это... это извращение.

– Отставить панику, – голос Вальда прозвучал суше, чем он рассчитывал. В горле першило.

Инженер шагнул к стене, игнорируя протестующий жест капитана. Его мозг, привыкший разбирать механизмы на ча-сти, сейчас буксовал. Перед ним была невозможная кон-струкция. Материя не меняет агрегатное состояние за секун-ды без колоссального выделения энергии. Здесь не было жа-ра. Не было звука работы гидравлики. Только тихий, влаж-ный вздох камня.

– Лира, – Вальд не обернулся. – Когда ты села... о чём ты

думала?

– О чём я думала? – взвизгнула она. – Я думала, что у меня сейчас отвалятся ноги! Что я хочу сдохнуть, лишь бы не стоять!

– Ты хотела сесть. Ты хотела, чтобы стало мягко.

– Вальд, отойди от стены, – приказал Вейн. – Это может быть ловушка. Мимикрия. Как у хищных растений.

– Растения жрут мух, Саша. Они не строят для мух ортопедическую мебель.

Вальд подошёл к нетронутому участку стены в метре от «кресла». Поверхность здесь была бугристой, покрытой налётом, похожим на застывшую слюду. Инженер снял перчатку. Кожа ладони коснулась прохладной субстанции. Ощущение было странным: не камень, не металл, не пластик. Скорее, очень плотная, сухая резина. Или мёртвая кожа.

– Тест первый. Механическое воздействие.

Он размахнулся и с силой ударил кулаком в стену.

Глухой, ватный звук. Удар не отсушил руку, как если бы он бил в бетон. Стена спружинила. Она поглотила кинетическую энергию, прогнувшись на миллиметр, и тут же вернулась в исходное состояние. Ни вмятины, ни трещины.

Вальд навалился плечом, упёрся ногами в пол, пытаясь продавить массу весом. Бесполезно. Стена была пассивна. Упругая, равнодушная преграда.

– Видите? – он тяжело дышал. – На давление реакции нет.

Просто физика вязкого материала.

– И что это доказывает? – Вейн не опускал оружия.

– Что это не болото. Ты не проваливаешься просто потому, что ты тяжёлый. Лира весит меньше меня, но под ней пол прогнулся. Под мной – нет.

Вальд полез в набедренный карман и достал зажигалку – старую, бензиновую, с гравировкой, которую он набил ещё курсантом. Щёлкнул крышкой. Жёлтый язычок пламени заплясал в затхлом воздухе пещеры.

– Тест второй. Термический раздражитель.

Он поднёс огонь к стене.

Реакция была мгновенной и отвратительной.

Стена не почернела и не расплавилась. Она дёрнулась.

По поверхности прошла судорога, словно под кожей перекатился тугий узел мышц. Серый цвет в пятне контакта мгновенно сменился багрово-фиолетовым, как при сильном ушибе. Материал резко втянулся внутрь, образуя воронку, стараясь уйти от источника боли.

Вальд отшатнулся, погасив зажигалку.

Воронка на стене медленно, пульсируя, выравнивалась. Фиолетовое пятно бледнело, растворяясь в серости.

– Биология, – констатировал Вальд. Сердце колотилось где-то в горле. – У этой штуки есть нервные окончания. Про-

стейшая рефлекторная дуга. Боль – сжатие.

– Ты его разозлил, – тихо сказала Лира. Она стояла у противоположной стены, обхватив себя руками.

– Нет. Я проверил проводимость сигнала. – Вальд вытер пот со лба. – Слушайте меня внимательно. Оно реагирует на физику только как на угрозу. Но с Лирой оно работало иначе. Оно не защищалось. Оно... обслуживало.

Он повернулся к ним, чувствуя, как внутри нарастает холодная, кристаллическая уверенность. Это было безумие, но это было логичное безумие. Единственное, которое объясняло происходящее.

– Лира не делала ничего руками. Она просто испытывала потребность. Острую, физиологическую потребность в комфорте. И среда считала это.

– Ты хочешь сказать, оно читает мысли? – Вейн скептически прищурился.

– Не мысли. Не слова. – Вальд постучал пальцем по виску. – Импульсы. Состояние тела. "Болит спина" – это сигнал. "Холодно" – это сигнал. Оно работает как термостат, только вместо температуры регулирует геометрию.

Он огляделся. Пол был неровным, покрытым мелкими наростами.

– Мне нужна тишина. Полная. Никаких разговоров, никаких движений.

– Что ты собрался делать? – спросил Вейн.

– Тест Роршаха. Только наоборот. Обычно нам показывают пятно, и мы видим в нём смысл. Сейчас я покажу ему смысл, и посмотрим, сделает ли оно пятно.

Вальд сел на пол, скрестив ноги. Прямо перед собой, на чистом участке. Он закрыл глаза.

Темнота под веками была привычной. Усталость навалилась тяжёлым одеялом, но он отогнал её. Ему нужна была концентрация. Чистая, рафинированная работа мозга инженера.

Не думать о монстрах. Не думать о том, что они в кишках чужой планеты. Не думать о Лире.

Образ. Нужен простой, неестественный образ. То, чего нет в природе. Природа не строит прямых углов.

Куб.

Простой геометрический примитив. Равносторонний. Гладкие грани. Прямые углы.

Вальд представил его висящим в пустоте. Белый, идеальный куб с чертежа.

Он сосредоточился на этом образе, удерживая его перед внутренним взором, как удерживал бы сложную схему узла перед сборкой.

Ничего не происходило.

Только шум крови в ушах и тяжёлое дыхание Вейна где-то слева.

«Мало, – подумал Вальд. – Картинки мало. Нужно ощущение. Нужно захотеть этот куб. Нужно убедить это место, что куб мне жизненно необходим. Что без него я умру».

Он напрягся. Мышцы шеи окаменели. Он физически толкал этот образ наружу, проецировал его в пол перед собой. Он представлял вес куба. Его текстуру. Холод его грани.

Лоб покрылся испариной. Голова начала болеть – тупая, пульсирующая боль в висках, словно при перепаде давления.

– Вальд... – шёпот Лиры прозвучал испуганно.

– Тихо! – рявкнул он, не открывая глаз.

Он почувствовал это. Слабую вибрацию пола. Не звук, а дрожь, идущую снизу, словно под тонким слоем почвы зашевелились гигантские черви.

«Давай. Форма. Грань. Угол. Твёрдость».

Это требовало усилий, сопоставимых с поднятием тяжестей. Вальд чувствовал, как с него течёт пот, как дрожат колени. Среда сопротивлялась. Или она просто была тупой? Глиной, которую нужно мять не руками, а нейронами?

Звук изменился. Это было влажное хлопанье, треск рвущихся волокон и тихий, нарастающий гул на грани слышимости.

Что-то росло перед ним.

Вальд сжал зубы так, что челюсть свело судорогой. Он держал в голове идеальный квадрат, заставляя хаос материи подчиниться порядку геометрии.

«Куб. Мне нужен чёртов куб!»

Резкий запах озона и чего-то кислого, мускусного ударил в нос.

Вальд выдохнул и открыл глаза.

Он сидел, тяжело опираясь руками о колени. Грудь ходила ходуном, словно он только что пробежал кросс. По лицу катились капли пота, щипля глаза.

Перед ним, вырастая прямо из каменного пола, стоял предмет.

Это не был идеальный платоновский куб.

Грани были оплывшими, словно у тающего куска масла. Углы скруглены. Поверхность была пористой, ноздреватой, цвета слоновой кости, с прожилками серого и бурого. Одна сторона вспучилась уродливым наростом, другая была вогнута.

Но это был куб.

Примерно полметра высотой. Искусственная, геометрическая конструкция, созданная из биомассы.

Вальд смотрел на него, и страх медленно уступал место

холодному, научному торжеству. Это было уродливо, но это работало.

Он протянул руку, но не коснулся предмета. Он чувствовал исходящее от него слабое тепло – тепло метаболизма.

– Господи... – выдохнул Вейн. Он подошёл ближе, освещающая уродливый нарост. – Ты это сделал?

– Я не делал это руками, – голос Вальда был хриплым, сорванным. Он закашлялся. – Я просто представил.

Лира выглянула из-за плеча капитана. Её глаза были огромными, в них плескалась смесь ужаса и отвращения.

– Это похоже на опухоль.

– Это прототип, – возразил Вальд, с трудом поднимаясь на ноги. Голова кружилась. – Качество исполнения зависит от чёткости сигнала. Я устал, сигнал был слабым. Материя... она инертна. Ей трудно принимать неестественные формы. Но она подчиняется.

Он посмотрел на свои руки. Они дрожали.

– Это не телепатия в сказочном смысле. Это интерфейс. Мы внутри гигантского компьютера, только вместо кремния здесь мясо, а вместо кода – наши желания.

Инженер поднял взгляд на спутников.

– Оно не видит нас, Вейн. У него нет глаз в стенах. Оно нас считывает. Сканирует кортекс. Вероятно, реагирует на

всплески нейротрансмиттеров.

Он пнул получившийся куб носком ботинка. Тот отозвался глухим, плотным звуком. Уже затвердел.

– Значит, мы можем этим управлять? – спросил Вейн. В его голосе прорезалась деловая нотка. Рациональность возвращалась.

– С трудом, – признал Вальд. – Это выматывает. Как тащить мешок цемента в гору. Но... да. Мы можем.

Он обвёл взглядом пещеру. Теперь она не казалась ему просто дырой в камне. Стены, пол, нависающий потолок – всё это было потенциалом. Сырьём.

– Если мы можем создавать стулья и кубики, – тихо сказал Вальд, и в его глазах зажёгся опасный огонёк исследователя, – значит, мы можем создать и что-то полезное. Мы не обязаны спать на камнях.

Он снова посмотрел на куб. Уродливый, кривой, но созданный его волей. Первый акт творения в этом аду.

– Мы можем сделать здесь ремонт, – усмехнулся он, хотя улыбка вышла кривой от усталости. – Только придётся попотеть.

Глава 13. Обустройство

Тяжесть в затылке напоминала похмелье – то самое, злое, химическое, когда дешёвый спирт выжигает нейроны, оставляя взамен свинцовую тупость. Вальд вытер нос тыльной стороной ладони. На перчатке остался тёмный, почти чёрный в свете фонарей мазок. Кровь. Капилляры не выдерживали.

– Не дави так сильно, – прохрипел он, не оборачиваясь. – Лопнет сосуд в глазу – ослепнешь.

Вейн не ответил. Капитан стоял в трёх метрах левее, уперев руки в бока, и сверлил взглядом стену. Его лицо блестело от пота, челюсти были сжаты так, что желваки ходили ходуном. Он не просто смотрел. Он приказывал материи подчиниться уставу.

Пещера менялась.

Это не было похоже на строительство. Здесь не стучали молотки, не визжали пилы, не пахло стружкой. Здесь пахло озоном, мускусом и горячей, прелой органикой. Звуки были влажными: чавканье, тихий треск рвущихся волокон, глухое гудение, идущее, казалось, из самого центра планеты.

Вальд прикрыл глаза, давая зрительному нерву секунду отдыха, но мозг продолжал работать. Он чувствовал это пространство. Оно было вязким, податливым, но с характером. Как глина, которая слишком долго лежала на солнце – свер-

ху корка, внутри мягко, но чтобы продавить, нужно усилие всего тела.

– Есть, – выдохнул Вейн.

Вальд открыл глаза.

Там, где десять минут назад был хаотичный навал бурых наростов, теперь царил порядок. Стена выровнялась. Она не стала идеально гладкой, как бетон, но приобрела спартанскую, казарменную плоскость. Из неё, словно рёбра левиафана, выступали три горизонтальные полки.

Они были грубыми. Края оплыли, углы скруглены, текстура напоминала пористую кость. Но они были ровными. Параллельными полу.

Вейн подошёл к ближайшему контейнеру с пайками, уцелевшему после падения, поднял его и с глухим стуком водрузил на нижнюю полку.

– Держит? – спросил Вальд.

– Держит, – капитан навалился на полку локтем, проверяя вес. Конструкция даже не скрипнула. Биомасса под контейнером чуть просела, создавая естественный ложемент, и застыла, обхватив дно ящика.

– Это... удобно, – признал Вейн, и в его голосе прозвучала странная, пугающая нотка удовлетворения.

Вальд почувствовал укол тревоги. Это было неправильно. Они находились в чреве чудовища, на глубине, где давление должно было расплющить их в лепёшку. А они расставляли

вещи по полочкам. Синдром гнездования. Психика, загнанная в угол, начинала обживать камеру смертников, превращая её в уютную гостиную.

– Не увлекайся, Саша, – пробормотал инженер, отходя к своей зоне. – Мы здесь не навсегда. Не надо пускать корни.

– Нам нужно место для сна, Вальд. И место для оружия. Хаос убивает быстрее радиации.

Инженер не стал спорить. Он перевёл взгляд вглубь пещеры, туда, где работала Лира.

Если Вейн строил казарму, то Механик строила храм.

Она сидела на коленях перед входом в нишу, где они уложили Марка. Связист бредил, его нога, замотанная в биобинты, подёргивалась, но сейчас Вальд смотрел не на него. Он смотрел на арку.

Лира не пыталась навязать среде прямые линии. Она, кажется, вообще не боролась. Она договаривалась.

Вход в нишу, раньше напоминавший рваную рану в камне, теперь тёк. Материал стен вытянулся, сплёлся в причудливые, витые жгуты, похожие на стволы лиан или застывшие потоки лавы. Арка поднялась высоко, плавно переходя в свод, украшенный каплевидными наплывами.

Это было похоже на работы Гауди, если бы безумный каталонец строил не из камня, а из костей и хрящей.

– Лира, – позвал Вальд.

Она обернулась. Её глаза лихорадочно блестели, на щеках горел нездоровый румянец. Она улыбалась – широко, шало,

как ребёнок, впервые получивший доступ к пластилину.

– Смотри, Вальд. Оно понимает красоту. Я просто представила, как ветви сплетаются над головой Марка, чтобы закрыть его от сквозняка. И оно... оно подхватило.

Она провела ладонью по одной из «колонн». Поверхность была не серой, как везде, а с перламутровым отливом.

– Ему здесь будет спокойнее. Стены глушат звук. Я сделала там... внутри... что-то вроде колыбели.

Вальд подошёл ближе. От «колонны» шло тепло. Он коснулся витого жгута. Твёрдый, как полимер, но тёплый. Живой.

– Это не архитектура, Лира, – тихо сказал он. – Это анатомия. Ты строишь внутренности.

– Какая разница? – она дёрнула плечом. – Это работает. Мы можем сделать здесь всё. Столы, стулья, перегородки. Мы можем сделать отдельные комнаты. Вальд, мы можем сделать ванну! Если я представлю чашу и слив...

– Стоп, – он поднял руку. Головокружение накатило новой волной. – Ванну? Ты серьёзно?

– А почему нет? Я хочу смыть с себя эту грязь.

Вальд отступил. Эйфория. Она захлёстывала их. Ощущение всемогущества. Ты подумал – мир изменился. Это был наркотик сильнее морфия. И Сущность щедро скармливала им эту иллюзию контроля. *«Смотрите, я послушна. Я – ваш дом. Живите во мне».*

– Мне нужно проверить пределы, – сказал он сам себе, отворачиваясь от «храма» Лиры. – Полки и арки – это формы. Это просто геометрия массы. А что насчёт функции?

Он пошёл в самый дальний, тёмный угол пещеры, подальше от их «евроремонта». Здесь стены были ещё дикими, грубыми.

Вальд сел на пол, скрестив ноги. Достал из кармана обломок крепежа – кусок закалённой стали. Тяжёлый, холодный, мёртвый.

– Ладно, – прошептал он. – Давай поговорим серьёзно.

Ему не нужны были стулья. Ему нужны были инструменты. Корабль «Пилигрим» лежал снаружи, искалеченный, с изолированным реактором. Чтобы его починить, нужны ключи, домкраты, шестерни, передаточные валы. Нужен металл. Нужна точность.

Вальд закрыл глаза.

Он представил гаечный ключ. Стандартный, накидной, на 32. Хромованадиевый сплав. Холодный блеск. Чёткие грани губок. Маркировка на рукояти. Вес. Плотность кристаллической решётки.

«Дай мне это. Не мясо. Не кость. Металл.»

Он начал давить.

В этот раз сопротивление было другим. Если раньше среда была глиной, то теперь она стала водой. Образ металла соскальзывал. Сущность не понимала концепцию «неживого».

Вальд стиснул зубы. В висках застучали молоточки.

– Железо! – прошипел он сквозь зубы. – Твёрдость! Кристалл!

Он вкладывал в этот мысленный приказ всё своё знание о сопромате. Он визуализировал молекулярные связи. Он требовал, чтобы углерод и железо выстроились в ряд.

Пол дрогнул. Раздался мокрый, чмокающий звук, похожий на лопнувший нарыв.

Вальд открыл глаза.

Перед ним, на небольшом возвышении, лежал предмет.

По форме это был гаечный ключ. Длинная рукоять, кольцо на конце. Размер – почти идеальный.

Вальд протянул дрожащую руку и схватил его.

Лёгкий.

Слишком лёгкий.

Предмет был тёплым. Поверхность – гладкая, желтоватая, напоминающая старую слоновую кость или очень плотный хитин.

Вальд поднёс его к глазам. На рукояти проступили бугорки – Сущность пыталась симитировать насечку, но получилось похоже на гусиную кожу.

– Нет... – выдохнул он.

Он попробовал согнуть «ключ». Материал поддался. Он был упругим, как твердая резина или высушенное сухожилие. Он пружинил.

Вальд с силой ударил инструментом о каменный выступ стены.

Звук был глухим, деревянным. *Тук.*

Никакого звона. Никакой искры.

Он ударил ещё раз. Сильнее.

На «губке» ключа осталась вмятина. Материал начал медленно расправляться, затягивая повреждение, как живая ткань затягивает порез.

Вальд отшвырнул подделку. Ключ отскочил от пола, как резиновая игрушка для собак, и замер у его ног.

– Ты не можешь, – прошептал Инженер, и холодное понимание начало заливать его разгорячённый мозг. – Ты тупая, жирная тварь. Ты не знаешь, что такое металл.

Он поднял голову и посмотрел на потолок пещеры, теряющийся в темноте.

Сущность была биосферой. Она могла вырастить стул, потому что стул – это просто форма для поддержки зада. Она могла вырастить дом, потому что дом – это просто нора.

Но она не могла создать механизм.

Она не могла создать проводник тока.

Она не могла создать микросхему, болт, гайку, топливный стержень.

Всё, что они здесь строили – это декорации.

Полки Вейна сгниют или будут поглощены обратно, если перестать о них думать. Арка Лиры – это просто красивый хрящ.

– Вальд? У тебя получилось? – голос Вейна донёсся с другого конца пещеры. Капитан звучал бодро. Слишком бодро.

Инженер поднял с пола «ключ». Сжал его в кулаке так, что костяшки побелели. Затем с хрустом переломил его пополам. Внутри не было блеска стали. Там была пористая, сероватая губка, из которой сочилась прозрачная сукровица.

– Нет, – громко сказал Вальд, вставая. Ноги дрожали от перенапряжения. – Не вышло.

Он подошёл к остальным.

Пещера изменилась до неузнаваемости.

Слева – аккуратные ряды полок, заставленные контейнерами. Справа – фантазмагорический грот, похожий на внутренность гигантской раковины, где спал Марк. По центру из пола выросло подобие длинного стола с неровной, бугри-

стой столешницей.

Это выглядело как жилище. Как первобытная стоянка, облагороженная безумной магией.

Лира сидела на новорождённом выступе, болтая ногами. Она выглядела счастливой. Вейн проверял, как винтовка лежит в специальном углублении, которое он вырастил в стене.

Они играли в дом.

– Что случилось? – спросил Вейн, заметив мрачное лицо инженера. – Слишком сложная форма?

– Слишком сложная суть, – отрезал Вальд. Он бросил обломки костяного ключа на «стол». Они стукнулись с мягким, костяным звуком. – Это органика, Саша. Мы можем лепить куличики из мяса, но мы не починим этим реактор. Здесь нет таблицы Менделеева. Здесь только углерод, водород и дерьмо.

Улыбка сползла с лица Леры. Она посмотрела на свою прекрасную арку, потом на обломки ключа.

– Но... мы же можем сделать быт лучше? – тихо спросила она. – Мы можем сделать кровати. Посуду.

– Мы можем сделать всё, чтобы нам не захотелось отсюда уходить, – жёстко сказал Вальд. – Это не мастерская, Ли-ра. Это золотая клетка. И она только что дала нам подушки, чтобы мы не бились головой о прутья.

Он почувствовал, как силы внезапно кончились.

Эйфория творчества схлынула, оставив после себя пу-

стоту и дикую, звериную усталость. Мозг, изнасилованный непривычной работой, требовал отключения.

Вальд пошатнулся и тяжело осел на только что выращенную кем-то (видимо, Лирой) скамью. Она была мягкой. Предательски мягкой. Она приняла его тело с готовностью любовницы.

– Я спать, – пробормотал он, чувствуя, как веки наливаются свинцом. – Не трогайте меня. И ради бога... не думайте ни о чём сложном.

Свет в пещере дрогнул.

Биолюминесцентные пятна на потолке, до этого горевшие ровным, холодным светом, начали медленно тускнеть, меняя спектр с синего на тёплый, оранжево-красный. Закатный.

Сущность уловила общий спад активности.

Она выключала свет в детской. Тихий час начинался.

Глава 14. Первая ночь

Свет умирал медленно.

Это не напоминало отключение питания на корабле, когда тьма падает мгновенно, отсекая реальность щелчком реле. Здесь свет уходил так, как уходит жизнь из глаз – плавно, с неохотой, меняя оттенки.

Вейн сидел на краю выступа, который он заставил стену вырастить полчаса назад. Винтовка лежала на коленях. Его пальцы побелели, сжимая цевье, хотя стрелять было не в кого. Он смотрел, как биолюминесцентные прожилки под толчком пещеры меняют спектр.

Холодная, клиническая синева, освещавшая их безумный ремонт, начала наливаться густым янтарём. Тени в углах стали длиннее, мягче, потеряли резкость. Стены, казавшиеся серыми, окрасились в тона заката – охру, терракоту, глубокий багрянец. Пещера больше не выглядело как шахта. Она напоминала утробу.

– Циркадные ритмы, – пробормотал Вальд.

Инженер лежал на спине на соседнем выступе, закинув руку за голову. Его голос звучал глухо, словно через слой ваты.

– Оно снижает яркость. Имитирует вечер.

– Заткнись, Вальд, – беззлобно отозвался Вейн, не отрывая взгляда от входа в туннель. – Экономь кислород.

– Кислорода здесь навалом, – инженер зевнул, и этот звук был пугающе домашним в каменном мешке. – Оно даже состав воздуха поменяло. Чувствуешь? Влажность упала. Стало прохладнее. Градусов на пять, не меньше. Идеально для сна.

Вейн чувствовал. Воздух стал свежим, почти морозным, но без колючего холода. Это была та самая выверенная прохлада, которая заставляет человека инстинктивно искать тепло, сворачиваться в клубок, прятать нос. Физиология предавала. Тело, измученное перегрузками и страхом, реагировало на этот сигнал однозначно: *отбой*.

Это была манипуляция. Тонкая, химическая, безупречная.

Вейн перевёл взгляд на Лиру. Она лежала в своей «арке», подтянув колени к груди. Рядом, в углублении, тяжело, но ровно дышал Марк.

– Капитан, – тихо позвала Лира. – Посмотрите.

Вейн повернул голову.

Из бортиков её ложа поднималась плёнка.

Это выглядело как ускоренная съёмка роста грибницы. Тонкая, полупрозрачная мембрана ползла вверх от края «матраса», накрывая ноги девушки, затем бёдра. Она двигалась беззвучно, деликатно, не стягивая, а лишь касаясь ткани комбинезона.

– Не дай ей закрыть лицо, – резко сказал Вейн, привста-

вая.

– Оно не лезет на лицо, – сонно пробормотала Лира. – Оно тёплое. Как пух.

Мембрана остановилась на уровне плеч, образовав подобие спального мешка, сросшегося с ложем. Лира вздохнула, и в этом вздохе было столько облегчения, что Вейна передёрнуло. Она закрыла глаза.

Вейн почувствовал движение рядом с собой.

С его собственной «койки», оттуда, где заканчивались ноги, тоже ползла белёсая пелена. Она была сухой на ощупь, бархатистой. От неё шло слабое, живое тепло.

Он грубо отпихнул её прикладом винтовки.

Мембрана подалась, спружинила, но не порвалась. Она замерла, словно умная собака, которой приказали ждать.

– Мы в инкубаторе, Саша, – голос Вальда становился всё тише. Инженер уже наполовину скрылся под своим «одеялом». – Нас положили на полку. Выключили свет. Дали соску.

– Мы в плену, – отрезал Вейн.

– Одно другому не мешает. В зоопарке зверей тоже кормят по расписанию...

Вальд не договорил. Его дыхание выровнялось, стало глубоким и ритмичным.

В пещере наступила тишина. Только гул – далёкий, низ-

кочастотный гул, идущий из недр планеты, напоминал о том, где они находятся. Этот звук был похож на работу гигантского насоса, перекачивающего океаны крови.

Свет почти погас. Стены погрузились в сумрак, но полной темноты не наступило.

На своде пещеры, там, где раньше был просто неровный камень, начали вспыхивать крошечные точки. Бледно-зелёные, фосфоресцирующие пятнышки.

Они не складывались в знакомые созвездия. Это был хаос, имитация звёздного неба, нарисованная ребёнком, который никогда не видел космос. Ночник. Чтобы детям не было страшно в темноте.

Вейн остался один.

Единственный бодрствующий организм в этой капсуле комфорта.

Он сидел прямо, чувствуя, как тяжелеют веки. Воздух был напоен чем-то сладковатым, успокаивающим. Феромоны. Он знал, что это они. Среда глушила его бдительность, размывала тревогу, превращая её в ватную безмятежность.

«Не спать. Кто-то должен смотреть на дверь».

Он заставил себя поднять глаза на выход из пещеры – тот самый проём, через который они ввалились сюда несколько часов назад.

Там, снаружи, была тьма. И холод.

Вейн моргнул. Ему показалось, или проём стал уже?

Он протёр глаза свободной рукой, стряхивая липкую дряму.

Нет, не показалось.

Края прохода двигались.

Это было едва заметно, как движение часовой стрелки. Камень – или то, что притворялось камнем – тёк. Стены туннеля набухали, тянулись друг к другу. Сверху опускался тяжёлый, мясистый нарост, снизу поднимался ответный вал.

Это не было похоже на захлопывающуюся дверь шлюза. Это было похоже на заживление раны. Или на смыкание век.

– Стой... – прошептал Вейн, но голос не слушался. Язык был тяжёлым.

Он хотел вскочить, подбежать, вставить приклад между смыкающимися челюстями прохода, но тело отказалось подчиняться. Мембрана-одеяло, воспользовавшись его неподвижностью, снова поползла вверх, мягко обнимая колени, согревая, обездвиживая.

Тепло разлилось по венам, парализуя волю.

Вейн смотрел, как исчезает последний лоскут внешней тьмы.

Створки сошлись без звука. Слизистая поверхность сгладилась, не оставив даже шва.

Выхода больше не было.

Стены стали сплошными.

Капитан Александр Вейн, командир корабля «Пилигрим», уронил голову на грудь. Винтовка выскользнула из ослабевших пальцев и бесшумно упала на мягкое, податливое дно его новой клетки.

Пещера погрузилась в сон.

Глава 15. Смена цикла

Пробуждение было механическим. Никакой сонливости, никаких попыток удержать остатки сновидений. Вейн просто открыл глаза, и его рука, повинувшись рефлексу, нащупала холодный пластик приклада винтовки.

Био-мембрана, укрывавшая его ночью, исчезла. Она втянулась обратно в пористую структуру «койки», не оставив после себя ни следа, ни запаха. Только тепло – ровное, стерильное тепло инкубатора.

Вейн сел, свесив ноги. Хронометр на запястье показывал 06:00 по корабельному времени. Биологические часы пещеры были синхронизированы с их графиком с пугающей точностью. Это была первая ложь нового дня: здесь не было времени, был только режим.

Остальные ещё спали. Лира свернулась в клубок в своей нише, Вальд лежал на спине, раскинув руки. Вейн не стал их будить. Ему нужно было увидеть выход.

Он встал и бесшумно двинулся к проёму, который вчера вечером зарос плотью камня.

Стена менялась.

Там, где ночью был сплошной монолит, теперь пульсировала щель. Мышечные волокна породы расслаблялись, расходясь в стороны с влажным, скользким звуком, напоми-

нающим тяжёлый вздох. Отверстие разжималось.

Вейн шагнул наружу.

Мир встретил его серыми сумерками. Долина, в которую упал «Пилигрим», тонула в густом, неподвижном тумане. Тишина была абсолютной – ни ветра, ни птиц, ни шелеста. Только далёкий, низкочастотный гул работающего гигантского организма.

Капитан поднял голову, ища восток. Инстинкт требовал найти точку восхода, чтобы сориентироваться.

И тут включили свет.

Это не было рассветом. Солнце не выползло из-за горизонта, окрашивая облака в розовый и золотой. Не было градиента, не было предвестников.

Просто щелчок выключателя.

В одну секунду мир из серого стал ослепительно-белым.

Вспышка ударила по глазам с физической силой, заставив Вейна отшатнуться и закрыть лицо локтем. Сетчатку обожгло белизной. Из пещеры донёсся испуганный вскрик Лирь – свет проник и туда, мгновенно выгнав сон из углов.

– Контакт! – рявкнул Вейн, вскидывая винтовку, но тут же опустил ствол.

Врага не было. Была только иллюминация.

Свет был везде. Он не падал под углом, он не отбрасывал

теней. Это был бестеневой, хирургический свет операционной лампы, заливающий всё пространство ровным, безжалоственным сиянием. Он не грел кожу, как солнце. Он просто делал всё видимым.

Вейн часто заморгал, выжимая слёзы, и заставил себя смотреть.

Он поднял взгляд вверх, туда, где должно было быть небо.

Неба не было.

Вместо бесконечной голубизны или черноты космоса над головой висел потолок.

Это была гигантская, полупрозрачная мембрана, натянутая от горизонта до горизонта. Она была матовой, молочно-белой, с лёгким желтоватым оттенком.

Она висела низко. Пугающе низко.

Вейн, привыкший оценивать дистанции в пустоте, похолодел. Два километра. Максимум три.

Облака не плыли по этому небу – они были приклеены к нему, как грязная вата.

Он прищурился. Сквозь матовую толщу «небосвода» просвечивали тёмные, ветвящиеся линии. Жилы. Сосуды. По ним что-то текло, ритмично пульсируя в такт тому самому гулу, который они слышали постоянно.

– Что это?.. – голос Вальда прозвучал прямо за спиной. Инженер вышел из пещеры, щурясь и прикрывая глаза ладонью.

– Крышка, – сухо ответил Вейн. Он не обернулся.

Он смотрел на горизонт. Там, вдали, мембрана плавно загибалась вниз, срастаясь со стенами долины. Мир был герметичен. Это была не планета с атмосферой. Это был пузырь. Газовая каверна внутри твёрдого тела.

– Мы в банке, Вальд, – сказал капитан. В его голосе не было эмоций, только холодная фиксация факта. – Мы не на поверхности. Мы внутри.

– Высота потолка? – голос инженера дрогнул, но тут же выровнялся. Профессионализм брал верх.

– Около двух тысяч метров. Атмосферных явлений нет. Источник света – рассеянная биолюминесценция всей поверхности купола.

Вейн опустил взгляд на свои руки. Кожа в этом свете казалась восковой, мёртвой.

Ощущение открытого пространства, которое дарил вид долины, исчезло. Стены сжались. Теперь Вейн чувствовал на себе вес миллионов тонн породы, нависающей над этой хрупкой плёнкой «неба».

Их не просто заперли. Их законсервировали.

– Смотри, – Вальд указал пальцем в зенит.

Там, в самой высокой точке купола, мембрана начала

меняться. Однородное молочное сияние сгущалось. Ткань «неба» набухала, формируя сложную, спиральную структуру. Пятно становилось ярче, концентрированное, наливаясь болезненным, радужным блеском.

Оно смотрело прямо на них.

Часть 4. Эффект наблюдателя

Глава 16. Сценография

Роан шагнула за пределы каменного козырька, игнорируя предупреждающий жест Вейна. Ей нужно было видеть это без помех. Без рамки пещеры, без плеча капитана, закрывающего обзор.

Воздух был стерильным, лишённым запахов пыли или гниения, которые должны сопровождать болото. Он пах озонном и тёплой, влажной органикой – как в теплице, где выращивают культуры тканей. Роан подняла голову, и её взгляд, профессионально заточенный на поиск клеточных структур, мгновенно зацепился за центр купола.

Там, в зените, происходило рождение света.

Это не имело ничего общего с астрофизикой. Звёзды не рождаются так. Они вспыхивают или медленно разгораются из газовых облаков. Здесь же работала физиология.

– Смотрите, – выдохнула она, не заботясь о том, слышат ли её остальные. – Это не лампа. Это... мышца.

Матовая поверхность «неба», до этого момента казавшаяся однородной, пришла в движение. Ткань мембраны, пронизанная тёмными венами сосудов, начала растягиваться. Это напоминало замедленную съёмку раскрытия зрачка при

резком выбросе адреналина. Или работу диафрагмы гигантского объектива, сделанного из плоти.

Центр воронки истончался. Молочно-белая кожа купола становилась прозрачной, натягиваясь до предела, пока сквозь неё не начал пробиваться свет.

Он не был яростным, как то первое включение, ослепившее их минуту назад. Тот свет был общим, фоновым, идущим от всей поверхности. Этот был сфокусированным.

Круглое пятно в зените расширялось. Края его были нечёткими, вибрирующими, словно реснички инфузории, но с каждой секундой они становились всё ровнее. Биологический механизм стремился к идеальной геометрической форме.

– Диаметр около трёхсот метров, – сухо прокомментировал Вальд где-то за спиной. В его голосе слышался скрип линейки. – Строго вертикально над нами.

Роан не слушала цифры. Она видела эстетику.

Свет лился густой, тяжёлый, почти осязаемый. Он был холодного спектра – синевато-белый, мертвенный, но странно успокаивающий. Он заливал долину, скрадывая уродство серых скал, превращая их в загадочный лунный пейзаж.

«Лунный», – слово всплыло в сознании само собой.

Пятно стабилизировалось. Дрожь мембраны прекратилась. Мышечное кольцо замерло, зафиксировав отверстие идеального размера.

Теперь над ними висел диск.

Он не был пустым прожектором. Сквозь полупрозрачную плёнку, закрывавшую само жерло источника света, проступали пятна. Тени. Неоднородности внутренней структуры организма, скрытого за «потолком».

Тёмные сгустки, похожие на тромбы или скопления пигмента, создавали рисунок. Роан прищурилась. Мозг, отчаянно ищущий знакомые паттерны в хаосе чужого мира, мгновенно дорисовал недостающее.

Вот здесь, слева – Море Дождей. А это тёмное пятно внизу – кратер Тихо. Рисунок был искажён, словно отражение в воде, но он был узнаваем.

Это была парейдолия – способность видеть лица в облаках и фигуры в огне. Защитный механизм психики, превращающий чудовищное в понятное.

– Оно не движется, – сказал Вейн. Он стоял рядом, опустив винтовку. – Оно прибито к потолку.

– Какая разница? – тихо спросила Лира. Она вышла из пещеры последней, кутаясь в куртку, словно ей было холодно от этого призрачного света. – Свет есть. И он... он не злой.

Роан кивнула, не в силах оторвать взгляд.

Объект висел низко, пугающе огромный, занимая добрую четверть небосвода. Если бы настоящая Луна приблизилась к Земле на такое расстояние, приливы смыли бы континенты. Но здесь гравитация молчала. Здесь была только картинка.

Святящийся диск мягко пульсировал, едва заметно меняя яркость в такт тому самому подземному гулу. Систола – свет чуть ярче. Диастола – чуть тусклее.

Живая лампа. Биолюминесцентный орган, выполняющий функцию ночника для питомцев.

– Луна, – произнёс Марк.

Связист стоял, опираясь на плечо Вальда. Его лицо, бледное после потери крови, в этом свете казалось высеченным из мрамора. Он смотрел вверх с выражением религиозного экстаза, смешанного с ужасом.

– Это Луна, – повторил он тверже. – Она вернула нам Луну.

– Это не Луна, Марк, – устало возразил Вальд. – Это дырка в потолке, за которой горит фосфор. Это имитация.

– Плевать, – Роан услышала свой голос и удивилась его твёрдости. – Вальд, посмотри на текстуру. Видишь эти прожилки? Они похожи на русла рек. Или на трещины. Это красиво.

Она знала, что лжёт. Как биолог, она понимала: то, что они принимают за кратеры – это, скорее всего, узлы лимфатической системы или скопления жировой ткани гигантского существа. Но как человек, запертый в консервной банке за миллионы световых лет от дома, она выбрала ложь.

Ей нужна была эта ложь. Им всем она была нужна.

Диск висел неподвижно. Он не восходил и не заходил. Он просто был. Гигантский, белесый глаз, смотрящий на них

сверху вниз, заливающий их иллюзией нормальности.

– Пусть будет Луна, – наконец согласился Вейн. Капитан убрал палец со спускового крючка. – В протокол заносим: «Объект класса Люминесцент». Кодовое имя – Луна.

Он повернулся к команде, и свет отразился в его глазах, делая их стеклянными.

– Не расслабляться. То, что нам включили ночник, не значит, что монстры под кроватью исчезли.

Роан снова посмотрела вверх. Ей показалось, что по идеальному диску пробежала рябь. Словно помеха на экране. Или словно что-то проплыло внутри, в глубине светящейся жидкости.

Но наваждение исчезло так же быстро, как появилось.

Луна сияла. Холодная, мёртвая, прекрасная подделка.

– Красиво, – прошептала Лира, подходя ближе к Роан. – Почти как дома.

– Да, – солгала Роан. – Почти.

Глава 17. Глитч реальности

Эстель Роан смотрела вверх, туда, где свод пещеры имитировал ночное небо. Это была качественная подделка: биолюминесцентные точки, разбросанные по мембране, почти идеально повторяли звёздную карту южного полушария Земли. Почти. Если знать, куда смотреть, можно было заметить, что «звёзды» не мерцают. Атмосферы здесь не было, только стерильный, отфильтрованный воздух, лишённый турбулентности.

Но сейчас её внимание приковал не звёздный узор, а основной источник света – бледный, матовый диск, который экипаж по привычке называл Луной. Это был не отражённый свет, а собственное свечение гигантского органа, свисающего с потолка полости, словно люстра из живой плоти, скрытая за хитиновой линзой.

Роан прищурилась. Свет был слишком ярким, резким, без полутонов. Он давил на сетчатку, вызывая слезотечение.

– Оптика сбоит? – спросил Вейн. Капитан стоял рядом, проверяя крепления внешнего сканера. Он не смотрел вверх, его интересовали показания приборов.

– Нет, – медленно ответила Роан, не отрывая взгляда от зенита. – Глаза в норме. Это там... наверху.

Прямо перед диском «Луны» висело пятно. Тёмное, бесформенное образование, похожее на грозное облако. Но в

нём не было ничего от настоящих облаков. Оно не имело объёма, не рассеивало свет по краям, не меняло плотность. Это был просто плоский, абсолютно чёрный сгусток, словно кто-то пролил чернила на объектив микроскопа.

Роан сделала шаг в сторону, пытаясь найти лучший угол обзора. Пятно сдвинулось следом, перекрывая свет.

– Странная динамика, – пробормотала она, включая диктофон, но тут же забыв о нём.

«Облако» двигалось. Но не плавно, как положено пару или дыму, подхваченному воздушными потоками. Оно перемещалось рывками. Дёрнулось влево – застыло. Дёрнулось вниз – замерло. Края пятна были неестественно чёткими, геометрически резкими, будто вырезанными скальпелем из чёрной бумаги. Никакой диффузии. Никакого градиента.

Это противоречило законам физики газов. Это противоречило биологии. Это выглядело как инородное тело в стекловидном теле глаза – мусор, который плавает внутри, но не снаружи.

– Что там? – Вейн наконец поднял голову, оторвавшись от планшета.

– Помеха, – Роан потеряла переносицу. Раздражение нарастало. Как можно изучать спектр, когда перед источником света болтается эта грязь? – Оно не похоже на органику. Слишком плотное. Двигается... механически. Словно застрекает в текстуре воздуха.

Пятно снова дёрнулось – резкий, судорожный скачок,

словно кадр киноплёнки, вылетевший из пазов проектора. Оно закрыло собой почти треть «Луны», отбрасывая на дно пещеры уродливую, ломаную тень.

Роан почувствовала легкую тошноту. Вестибулярный аппарат протестовал против такой картинки. Мир вокруг был пугающе реальным, осязаемым, влажным, но этот кусок тьмы вверху казался ошибкой, дефектом зрения, который невозможно проморгать.

– Раздражает, – бросила она, не обращая ни к кому конкретно. Голос прозвучал громко в акустике пещеры. – Луну почти не видно за этой дрянью. Мешает.

Слова повисли в неподвижном воздухе.

И реальность дрогнула.

В ту же секунду, как Роан закончила фразу, чёрное пятно не улетело. Оно не растворилось, теряя плотность, не распалось на клочья.

Оно схлопнулось.

Мгновенно. Беззвучно. Словно кто-то выключил его существование. Только что там висел кубометр плотной, непроницаемой материи – и через долю секунды на его месте была идеальная пустота. Ни вихревого следа, ни перепада давления. Материя просто втянулась сама в себя, исчезнув из наблюдаемой вселенной быстрее, чем глаз успел зафиксировать движение.

– Чёрт... – выдохнула Роан, отшатываясь.

Но это был не конец. Едва пятно исчезло, свет «Луны» из-

менился. Он вспыхнул ярче – не плавно разгораясь, а скачком, как при переключении тумблера. Контуры кратера стали чётче. Тени на дне пещеры легли резче, контрастнее. Мутность исчезла. Свет стал кристальным, почти болезненно чистым, словно кто-то протёр запыленное стекло перед их лицами.

Вейн замер, глядя вверх. Его рука, лежащая на кобуре, напряглась.

– Ты видела? – голос капитана был тихим, лишенным привычной командной твёрдости.

– Видела, – Роан часто заморгала, пытаясь избавиться от остаточного изображения на сетчатке. – Оно... исчезло.

– Оно не исчезло, Роан. Оно стёрлось.

Биолог смотрела на сияющий диск. Теперь он был безупречен. Идеальный круг, идеальный свет, идеальная видимость. Слишком идеальная. Природа не работает с такой поспешностью. Природа не убирает препятствия по первому требованию. Ветер не разгоняет тучи за миллисекунду только потому, что кому-то не нравится вид.

Она вспомнила, как двигалось пятно. Рывками. Словно что-то огромное и сложное не успевало дорисовать картину мира, и этот кусок черноты был просто... браком. Неделкой. А теперь, получив сигнал о недовольстве, Система исправила ошибку.

Роан перевела взгляд на Вейна. В глазах капитана она увидела то же самое холодное, липкое подозрение.

– Оно стало ярче, – сказала она шепотом, боясь, что громкий голос спровоцирует новые изменения. – Как будто нам... улучшили картинку.

– Или убрали помеху, – Вейн медленно опустил взгляд с «неба» на стены пещеры, которые тихо пульсировали в такт неслышному ритму. – Мы пожаловались. И оно услышало.

Вокруг стояла тишина. Но теперь эта тишина казалась не спокойствием, а ожиданием. Словно официант, замерший за спиной клиента, ждет, понравится ли тому поданное блюдо. Роан поежилась. Идеальный свет «Луны» больше не казался красивым. Он казался светом операционной лампы, которую только что поправили, чтобы хирургу было удобнее резать.

Глава 18. Тест Тьюринга

Александр Вейн поднял руку, прерывая поток сбивчивых объяснений Роан. Жест был резким, рубящим – так он оставлял панику в рубке во время аварийных сбросов тяги.

– Тишина, – приказал он. Голос прозвучал глухо, словно вата, которой были оббиты стены этого мира, поглотила звук раньше, чем тот успел набрать силу.

Экипаж замер. Роан, всё ещё моргающая от остаточных пятен перед глазами, сделала шаг назад, к тёмному зеву пещеры. Вальд тяжело дышал, опираясь плечом на влажный камень. Лира застыла, обхватив себя руками, её взгляд метался между капитаном и тем, что висело над их головами.

Вейн медленно повернулся спиной к людям. Он остался один на один с пространством.

Перед ним расстилалась долина, залитая мертвенным, стерильным сиянием. «Луна» – этот гигантский, белесый диск, прилипший к потолку мира, – висела неподвижно. После того как чёрное пятно исчезло, свет стал ровным, но каким-то плоским. Он не давал теней там, где они должны были быть. Он не грел. Он просто освещал, выполняя функцию, прописанную в коде этой реальности.

Вейн чувствовал, как холодный пот стекает по спине под гермокоштом. Его мозг, привыкший к расчётам траекторий и сопротивления материалов, сейчас пытался обрабо-

тать невозможное.

Пятно не улетело. Оно стёрлось.

Мир исправил ошибку.

Значит, мир знает, что это была ошибка.

Капитан сделал шаг вперёд, выходя из зоны относительной тени, которую отбрасывал козырёк пещеры. Он чувствовал себя актёром, вышедшим на авансцену в пустом театре, где в темноте зрительного зала сидит только один критик. И этот критик – не человек.

Он поднял голову. Свет бил в глаза, но Вейн не щурился. Он смотрел прямо в центр сияющего диска.

– Слишком темно, – произнёс он.

Вейн не кричал. Он говорил с той же громкостью, с какой отдавал команды на мостике во время штатной проверки систем. Чётко. Раздельно. Без эмоций.

– Я не вижу тропинку под ногами. Недостаточно люменов.

За спиной кто-то судорожно вздохнул – кажется, Марк. Вейн не обернулся. Он ждал. Он считал секунды, как считал пульс умирающего реактора.

Раз.

Тишина. Ничего не происходит. Воздух неподвижен.

Два.

«Луна» висит мёртвым грузом. Может быть, это совпадение? Может быть, Роан просто переутомилась, и пятно было галлюцинацией?

Три.

Мир дрогнул.

Это не было включением лампы. Это было похоже на то, как зрачок хищника расширяется перед броском, только наоборот. Белесая поверхность диска над головой вдруг пошла рябью, словно по молоку ударили пальцем. Ткань «небесного тела» натянулась.

Свет хлынул вниз лавиной.

Яркость нарастала не мгновенно, а тягуче, с пугающей плавностью, как наливается кровью гематома. Сначала серые камни под ногами Вейна стали белыми. Затем проступили мельчайшие трещины, песчинки, комочки мха. Тени, до этого размытые и невнятные, вдруг заострились, став чернильно-чёрными, резкими, как порезы на бумаге.

Вейн невольно прикрыл глаза ладонью. Интенсивность излучения выросла вдвое, если не втрое. Теперь долина была залита ослепительным, хирургическим светом, в котором невозможно было спрятаться. Каждая пора на коже, каждая царапина на камне были видны с пугающей чёткостью.

Это был ответ.

Не эхо. Не физическая реакция атмосферы.

Это было исполнение приказа.

– Господи... – прошептал Вальд. В его голосе не было религиозного трепета, только животный ужас узнавания.

Вейн опустил руку. Его сердце билось ровно, но удары отдавались в висках тяжёлым молотом. Он получил подтверждение. Гипотеза перешла в статус факта. Они не на необитаемом острове. Они в комнате для допросов с зеркальным стеклом во всю стену.

– Оно слышит, – тихо сказал Вейн, не оборачиваясь. – Оно реагирует на акустические волны. Или на смысл.

– Это невозможно, – голос Леры дрожал. Механик стояла чуть в стороне, прижимаясь плечом к неровной стене пещеры. Её лицо в этом новом, безжалостном свете казалось маской из воска. – Это биологический объект. У него нет ушей. У него нет... процессора.

Она подняла взгляд на сияющий диск. Теперь, когда света стало больше, несовершенства «Луны» стали очевиднее. Её края не были ровными. Это был не идеальный круг, а скорее сплюснутый овал с рваными, бахромчатыми краями, где светящаяся плоть переходила в тёмную мембрану свода.

– Она кривая, – прошептала Лира. Это был даже не шёпот, а выдох, мысль вслух, предназначенная только для себя. – Смотрите... край слева. Он провисает. Это не круг. Это... грыжа.

Вейн хотел шикнуть на неё, приказать молчать, но опоздал.

Задержка на этот раз была короче. Система обучалась.

Вейн увидел, как левый край «Луны» – тот самый, на который смотрела Лира, – начал двигаться. Это было отвратительное, физиологическое движение. Словно под кожей неба сократилась гигантская мышца сфинктера.

Нервная дрожь прошла по периметру светящегося пятна. Бахрома втянулась. Выпуклость, портившая геометрию, судорожно сжалась, всасываясь внутрь основного массива.

Вейн застыл, боясь вдохнуть. Он наблюдал, как на его глазах биологическая масса перекраивает себя, повинувшись эстетическому замечанию крошечного существа внизу.

Края диска выравнивались. Дрожащая, живая плоть застывала, принимая форму, которая в природе не встречается. Абсолютный круг. Идеальная геометрия. Никаких отклонений. Никаких «грыж».

Через пять секунд над ними висел безупречный геометрический примитив, нарисованный светом на тьме. Он был настолько правильным, что от него тошнило. Это была не луна. Это была иконка луны, доведённая до вектора.

– Хватит, – выдохнула Роан. Она отвернулась, пряча лицо в ладонях. – Пусть оно перестанет.

Вейн медленно отступил назад, в тень козырька. Свет теперь казался не помощью, а насилием. Он проникал везде. Он лез под веки. Он говорил: «Смотри. Я сделало так, как

ты хотел. Тебе нравится? Я могу стать квадратным, если попросишь. Я могу стать синим. Только не бойся. Только оставайся».

Капитан посмотрел на свою команду. Они выглядели раздавленными. Не тьмой, не холодом, не голодом. Их раздавил комфорт.

– Это не физика, – голос Вейна звучал сухо, как треск статического электричества. – Это интерфейс.

– Что? – переспросил Вальд, не отрывая взгляда от идеального круга.

– Мы не наблюдатели, – Вейн жестко усмехнулся, но в улыбке не было веселья. – Мы – пользователи. А это... – он кивнул на сияющее небо, – это адаптивный дисплей. Оно меняет настройки в реальном времени, чтобы нам было удобно.

– Оно нас понимает? – Лира всё ещё смотрела на то место, где «Луна» исправила свою форму. Её пальцы побелели, вцепившись в рукав комбинезона. – Оно знает наш язык?

– Не обязательно, – Вейн покачал головой. – Возможно, оно считывает не слова. Оно считывает дискомфорт. Я сказал, что темно – оно добавило яркость. Ты почувствовала раздражение от неправильной формы – оно исправило форму. Оно как... – он запнулся, подбирая сравнение, – как умный дом, который сошёл с ума от желания угодить хозяину.

Тишина снова накрыла долину, но теперь она была другой. Это была не пустота. Это было присутствие. Каждая молекула воздуха, каждый камень, каждый луч света казался

частью огромного, невидимого тела, которое затаило дыхание, прислушиваясь к сердцебиению своих гостей.

Вейн почувствовал приступ клаустрофобии, хотя стоял под открытым – формально – небом. Стены не давили. Давило внимание. Ощущение миллиона невидимых глаз, которые анализируют твою температуру, твой пульс, уровень гормонов в крови, и готовы перестроить вселенную, лишь бы твой кортизол не повышался.

Это была самая страшная форма тюрьмы. Тюрьма, которая хочет быть любимой.

– Если оно нас слышит, – медленно проговорил Марк, глядя в пол, – то мы не можем здесь говорить. Ни о чём важном.

– Мы и думать здесь не можем, – отрезал Вейн. – Если оно реагирует на микровыражения лица, на интонацию... Мы прозрачны для него.

Он снова посмотрел на «Луну». Идеальный круг сиял ровным, мертвенным светом, заливая долину так, что не осталось ни одного тёмного угла.

– Инженер, – Вейн не обернулся, но Вальд вздрогнул, услышав свой позывной. – Оптика у тебя?

– Да, – хрипло ответил Торен, расстегивая клапан набедренного кармана. – Монокуляр с гибридным зумом.

– Дай сюда. Или нет... – Вейн остановился. Если он посмотрит сам, Сущность может понять, что её изучают. Она может снова изменить картинку. Спрятать суть. – Смотри

сам. Только осторожно. Не делай резких движений. Сделай вид, что просто протираешь линзу.

– Что я должен увидеть? – Вальд достал прибор, его руки слегка дрожали.

– Посмотри на источник света, – приказал Вейн. – Я хочу знать, что это такое на самом деле. Лампа? Биолюминесцентная плесень? Или...

Он не договорил. Но все поняли.

Или глаз.

Вальд медленно, стараясь не привлекать внимания всевидящего неба, поднял монокуляр к лицу.

Глава 19. Истинная форма

Торен Вальд принял монокуляр из рук капитана. Прибор был тяжёлым, в прорезиненном корпусе, сохранившем тепло чужих ладоней. Старая, проверенная техника. Никаких нейроинтерфейсов, никаких прямых подключений к зрительно-му нерву, которые так любили пилоты нового поколения. Только оптика, линзы и простая цифровая матрица стабилизации.

Это успокаивало. Вальд любил вещи, которые можно разобрать отвёрткой. Вещи, которые не лгут, потому что у них нет воображения.

– Осторожно, – повторил Вейн, отступая в тень. – Не делай резких движений.

Вальд кивнул. Он чувствовал на себе взгляды остальных. Лира, застывшая у стены, казалась статуей из серого камня. Роан отвернулась, словно боялась ослепнуть. А над ними висело Оно. Идеальный круг. Безупречный геометрический примитив, излучающий ровный, стерильный свет.

«Это просто лампа, – подумал Вальд, поднимая прибор к лицу. – Сложная, адаптивная, биолюминесцентная лампа. Инженерное сооружение. У всего есть схема. У всего есть принцип работы».

Он прижал окуляр к глазнице.

Сначала он не увидел ничего, кроме ослепительной бе-

лизны. Светофильтры не справлялись. Матрица монокуляра взвыла, выдавая предупреждение о пересвете. Вальд выругался сквозь зубы и начал крутить кольцо диафрагмы, механически отсекая лишние фотоны.

– Слишком ярко, – пробормотал он. – Сейчас... сейчас я задавлю спектр.

Пальцы, привыкшие к тонкой работе с микросхемами, двигались уверенно, несмотря на дрожь, бившую всё тело. Щелчок. Ещё щелчок. Поляризационный фильтр встал на место.

Белое пятно в окуляре начало темнеть. Оно теряло свою божественную, выжигающую глаза ауру, превращаясь в физический объект. Свет стал серым, тусклым, плотным.

Вальд задержал дыхание, настраивая фокус.

Он ожидал увидеть кратеры. Или плазменные вихри, если это искусственное солнце. Или, на худой конец, гладкую поверхность матового пластика, за которым скрыты диоды. Он искал текстуру камня, газа или полимера.

Но он увидел мясо.

Линзы высокой четкости прорезали расстояние в сотни метров, приближая поверхность «Луны» вплотную к его глазу. Это была не твердь. Это была волокнистая, полупрозрачная структура. Гигантские, толщиной с корабельный трос, нити переплетались, уходили вглубь, всплывали на поверхность. Они медленно, тягуче пульсировали, перегоняя внутри себя светящуюся жидкость.

Это напоминало океан, состоящий из червей. Или мышцу, с которой содрали кожу.

– Что там? – голос Вейна прозвучал глухо, словно из другого измерения.

– Структура... – Вальд сглотнул вязкую слюну. Язык прилип к нёбу. – Это не минерал. Это органика. Волокна. Многослойная ткань.

Он крутанул зум на максимум. Картинка дрогнула, стабилизатор отработал рывок, и перед Вальдом открылась панорама кошмара.

Поверхность «светила» была влажной. Она блестела не собственным светом, а тонкой плёнкой слизи, покрывающей эти светящиеся мышцы. И в этой слизи плавали мелкие частицы, похожие на лейкоциты размером с футбольный мяч.

– Господи, – прошептал Вальд. Его инженерный ум, привыкший классифицировать материалы по таблице сопромата, буксовал. Нет такого материала. Нет такой конструкции. Это не построили. Это вырастили.

Но самое странное было в центре.

Там, где свет был ярче всего, Вальд заметил провал. Тёмную зону. С земли, невооруженным глазом, она казалась просто пятном, чуть менее ярким участком. Но через оптику, с выкрученным контрастом, она превратилась в бездну.

Это была дыра. Огромная, круглая воронка, уходящая вглубь светящейся плоти. Края воронки были рваными, бахромчатыми, они постоянно шевелились, то сужаясь, то рас-

ширяться, словно края актинии, пробующей воду на вкус.

Внутри этой воронки не было света. Там была абсолютная, поглощающая всё чернота. Не тень. Пустота.

Вальд смотрел в эту черноту, и холодный ужас начал подниматься от желудка к горлу. Он узнал эту структуру. Он видел её тысячи раз – в зеркале, в учебниках биологии, в глазах своей жены.

Радужка. Сфинктер зрачка. Хрусталик, скрытый в глубине.

Только масштаб был чудовищным. Если это глаз, то его диаметр – километры. Это глаз размером с город. Глаз, который висит на потолке мира и смотрит вниз.

– Вальд? – Вейн тронул его за плечо.

Инженер дёрнулся, но не опустил прибор. Ему нужно было доказательство. Ему нужно было опровергнуть самого себя. Это не может быть глазом. Глаза парные. Глаза находятся на лице. А это – одинокий объект в вакууме пещеры. Это, должно быть, биореактор. Выхлопное сопло. Вентиляция.

– Мне нужно проверить параллакс, – хрипло сказал он. – Я должен убедиться, что это не проекция.

– Что ты хочешь сделать?

– Сдвинуться.

Вальд, не отрываясь от окуляра, сделал шаг влево. Потом ещё один. Медленно, боком, как краб, он прошел три метра вдоль каменной осыпи.

Если бы это была Луна – небесное тело, висящее в сотнях

тысяч километров, – картинка бы не изменилась. Угол обзора остался бы прежним.

Если бы это был прожектор на потолке, плоский диск, – овал бы исказился, превращаясь в эллипс.

Вальд смотрел на чёрную дыру в центре светящегося мяса.

Он шагнул влево.

Чёрная дыра тоже сдвинулась влево.

Она не осталась на месте. Она поплыла по поверхности диска, сохраняя центровку относительно Вальда.

Инженер замер. Его сердце пропустило удар.

– Оно следит, – выдохнул он.

– Повтори, – приказ Вейна был резким.

– Зрачок, – Вальд говорил отрывисто, задыхаясь, словно бежал в гору. – В центре есть зрачок. Я двигаюсь – он двигается. Он поворачивается за мной.

Вальд сделал шаг вправо. Резко.

В окуляре гигантская воронка тьмы дернулась и тут же скорректировала положение. Радужка – это поле из светящихся мышц – сократилась с одной стороны и растянулась с другой. Объект вращался. Это было глазное яблоко, утоп-

ленное в плоти потолка, и сейчас оно вращалось в своей орбите, удерживая маленькую фигурку человека в фокусе.

Это было не пассивное наблюдение камеры слежения. Это было живое, заинтересованное внимание.

Вальд почувствовал себя бактерией под микроскопом. Он ощутил этот взгляд физически – как давление, как тяжесть бетонной плиты, опускающейся на плечи. На него смотрели. Не на Вейна, не на корабль. На него. На Торена Вальда.

Существо, которое было этим миром, разглядывало его.
– Оно видит меня, – голос инженера сорвался на фальцет.
– Капитан, оно смотрит прямо на меня!

И в этот момент Сущность решила, что настройки фокуса недостаточно точны.

Вальд вскрикнул, когда картинка в монокуляре ожила.

Чёрная бездна в центре диска дрогнула. Края «радужки» пришли в движение. Светящиеся волокна натянулись, как струны. Гигантское кольцо мышц сжалось.

Зрачок начал уменьшаться.

Это происходило медленно, с грацией тектонического сдвига. Огромная черная дыра схлопывалась, фокусируясь. Если раньше взгляд был рассеянным, охватывающим всю группу, то теперь он сужался в точку. В лазерный луч. В иглу.

Вальд видел, как сокращаются миллионы тонн живой ткани. Он видел, как меняется кривизна линзы над зрачком, лоя его в резкость. Он видел, как тьма в центре становится

плотнее, гуще, словно концентрированная ночь.

Оно наводило резкость.

Оно хотело рассмотреть детали.

Пуговицы на его куртке.

Шрамы на его руках.

Страх в его глазах.

Это не был взгляд хищника, готовящегося к прыжку. Хищник смотрит с яростью. В этом взгляде не было ярости. В нём было бесконечное, холодное, подавляющее любопытство. Так ребенок смотрит на жука, которому только что оторвал лапку, чтобы узнать, как тот побежит дальше.

– Нет... – Вальд попятился. Монокуляр вжался в глазницу до боли. – Не надо. Не смотри.

Ощущение масштаба рухнуло на него всей своей невыносимой тяжестью. Этот глаз был больше, чем весь их корабль. Больше, чем город, в котором Вальд родился. Одно движение этой мышцы выделяло больше энергии, чем все реакторы человечества.

И этот колосс интересовался им.

Зрачок сузился до вертикальной щели – чуждой, неправильной, нечеловеческой. А потом резко, скачком, расширился вновь, фиксируя захват.

Вальда словно ударили в грудь звуковой волной. Но звука не было. Было только осознание контакта.

Я вижу тебя.

Я знаю, что ты видишь меня.

Теперь мы знакомы.

Руки инженера разжались. Монокюляр выскользнул из потных пальцев и ударился о камни с глухим, коротким стуком. Стекло треснуло.

Вальд стоял, глядя вверх уже незащищенными глазами. Теперь он знал, что это за идеальный круг. Он больше не видел света. Он видел только ГЛАЗ. Огромный, влажный, живой глаз, висящий в пустоте и заполняющий собой всё небо.

Он чувствовал, как этот взгляд просвечивает его насквозь. Не рентген. Хуже. Казалось, этот глаз видит не кости, а мысли. Видит его усталость, его желание сдаться, его тоску по дому.

Приватность исчезла.

Одиночество исчезло.

Больше никогда, ни на секунду, он не будет один. Даже в своей голове.

– Торен! – Вейн тряс его за плечи. Капитан что-то кричал,

но Вальд слышал только гул крови в ушах.

Он медленно перевел взгляд на капитана. Лицо Вейна было искажено тревогой, но Вальд видел его словно сквозь толстое стекло.

– Это глаз, – сказал он. Голос был спокойным, пустым, лишенным интонаций. Так говорят люди, которые только что поняли, что смертельно больны. – Это всё – один большой глаз. И мы у него внутри.

Он поднял руку и ткнул пальцем в зенит, туда, где сияла безупречная, внимательная бездна.

– Он моргает, Саша. Он просто долго не моргал. А теперь он проснулся.

Вальд почувствовал, как ноги подгибаются. Инженерная картина мира, в которой были силы, векторы и материалы, рассыпалась в прах. Здесь не было физики. Здесь была только биология. Тотальная, всепоглощающая биология.

– Уберите меня отсюда, – прошептал он, сползая по стене пещеры. – Спрячьте меня. Я не хочу, чтобы он на меня смотрел. Выключите свет. Пожалуйста, выключите свет.

Сверху, из-под свода пещеры, на них продолжал литься идеальный, ровный свет, скорректированный специально для их удобства. Глаз не мигал. Он изучал реакцию объекта на стресс. Эксперимент продолжался.

Глава 20. Итог ночи

Александр Вейн не помнил, кто первым сделал шаг назад. Кажется, это была Лира. Её ботинок скрежетнул по камню – звук, который в обычной ситуации показался бы незначительным, здесь прозвучал как выстрел.

– Назад, – тихо скомандовал Вейн. Он не узнал собственный голос. Это был не приказ командира, а предостережение загнанного зверя. – Медленно. Не бежать.

Они отступали. Пятились, как крабы, не смея повернуться спиной к сияющему зениту. Инженер Вальд всё ещё сжимал в руке разбитый монокуляр, его пальцы побелели, а взгляд был расфокусированным, направленным сквозь предметы. Вейн перехватил его за локоть, жёстко, до синяка, заставляя двигаться. Торен был тяжёлым, обмякшим, словно гравитация для него вдруг усилилась вдвое.

– Не смотри наверх, – прошипел Вейн ему в ушной канал, хотя шлемы были сняты. – Смотри под ноги. Просто иди.

Они пересекли границу света и тени. Каменный козырёк пещеры навис над головами, отрезая прямую видимость «Луны». Но чувство облегчения, на которое рассчитывал Вейн, не пришло.

Свет не остался снаружи.

Он хлынул следом за ними. Идеальный, стерильный поток фотонов, отражаясь от влажных стен, заливал вход в пеще-

ру. Он был настойчивым. Он шарил по углам, выхватывая из темноты фигуры людей, словно лучи прожекторов в тюремном дворе.

– Глубже, – выдохнула Роан. Биолог шла первой, прижимаясь к стене. Её лицо было серым, покрытым испариной. – Оно всё ещё здесь.

Они прошли ещё двадцать метров, свернув за массивный сталагнат, похожий на оплавленную кость. Только здесь, в глубокой нише, куда не доставал прямой отсвет внешнего мира, они остановились.

Темнота здесь была густой, пахнувшей озоном и грибами. Но это была не та спасительная темнота, в которой можно спрятаться. Это была темнота под кроватью, когда ты знаешь, что в комнате кто-то есть.

Вейн прислонился спиной к холодному камню. Он слышал дыхание своих людей. Тяжёлое, рваное, с присвистом. В замкнутом объёме акустика была чудовищной. Каждый вдох, каждый шорох синтетической ткани комбинезонов многократно усиливался, отражаясь от стен.

И Вейну казалось, что слышат это не только они.

Стены слушали. Пол слушал. Воздух, который они втягивали в лёгкие, был частью той же системы, что и гигантский глаз снаружи. Они были внутри организма. А организм всегда знает, где находится инородное тело.

Никто не снимал скафандры. Даже шлемы, которые болтались на магнитных замках у пояса, никто не отстегнул. Это

была иррациональная, детская попытка сохранить границу. Оставить хоть какой-то барьер между своей кожей и этим миром. Словно слой поликарбоната и кевлара мог защитить от взгляда, который проходит сквозь материю.

– Оно видело нас? – голос Лиры дрожал. Она сидела на корточках, обхватив колени руками, превратившись в маленький, компактный комок страха.

Вальд, сидящий напротив, издал странный звук – то ли смешок, то ли всхлип.

– Видело? – переспросил инженер. Он поднял голову, и в полумраке блеснули белки его глаз. – Оно не просто видело. Оно наводило резкость. Оно изучало. Ты понимаешь разницу? Камера видит. А это... это осознавало.

– Заткнись, Тор, – устало сказала Роан. Она стояла, уперевшись лбом в камень, и не двигалась.

Вейн молчал. Он смотрел на выход из их убежища. Там, за поворотом, камень светился мягким, рассеянным светом. «Луна» продолжала работать. Она продолжала освещать пустую сцену, ожидая возвращения актёров.

В голове капитана крутилась одна и та же мысль. Холодная, ясная, безжалостная.

Они ошиблись в самом главном.

С самого момента крушения они действовали по протоколу выживания в дикой среде. Они строили укрытия, искали воду, анализировали атмосферу. Они вели себя как Робинзоны, выброшенные на берег необитаемого острова. Они

думали, что их враг – холод, голод, радиация. Физика.

Но здесь не было физики. Здесь была только режиссура.

– Мы не исследователи, – произнёс Вейн. Его голос прозвучал ровно, разрезая липкую тишину ниши.

Все повернулись к нему. Даже Роан оторвалась от стены.

– О чём ты? – спросил Марк, который до этого молчал, баюкая повреждённую ногу.

– Мы думали, что мы потерпевшие крушение, – продолжил Вейн, глядя не на команду, а на свои руки. Грязные, в ссадинах, дрожащие руки. – Что мы боремся с природой. Но природа равнодушна. Камень не подвинется, если тебе неудобно лежать. Солнце не станет ярче, если ты попросишь.

Он поднял взгляд.

– А это место... оно угождает. Оно меняет форму. Оно слушает наши жалобы и корректирует реальность.

– Это ведь хорошо? – с надеждой, почти по-детски спросила Лира. – Если оно хочет нам помочь...

– Нет, – отрезал Вейн. – Это не помощь.

Он вспомнил своё детство. Ему было десять лет, когда отец подарил ему муравьиную ферму. Стеклообразный куб, наполненный специальным гелем. Муравьям не нужно было искать еду – гель был питательным. Им не нужно было строить муравейник – ходы уже были намечены. Всё, что им нужно было делать, – это жить. Жить за стеклом.

А он, десятилетний Саша Вейн, сидел и смотрел. Часами. Он светил фонариком, чтобы увидеть, как они бегают. Он

стучал пальцем по стеклу, чтобы проверить их реакцию. Если муравьи забивались в угол, он поворачивал банку другой стороной к свету. Не потому что он был злым. А потому что они были его.

– Мы в банке, – сказал Вейн. – Мы – муравьи в гелевой ферме. А Глаз наверху... это лицо ребёнка, который прижался носом к стеклу.

Вальд снова хихикнул. Звук был сухим, ломким.

– И что этот ребёнок сделает дальше? – спросил инженер.
– Потрясёт банку?

– Не знаю, – честно ответил Вейн. – Может быть. А может, кинет нам кусок сахара. Или подожжёт лупой, чтобы посмотреть, как быстро мы сгорим.

В нише повисла тишина. Тяжёлая, безнадёжная тишина. Метафора капитана легла на плечи бетонной плитой.

Осознание было страшнее, чем вид гигантского глаза. Глаз – это просто биология. А статус «экспоната» – это приговор.

Это означало конец приватности.

Конец одиночества.

Конец свободы воли.

Ты не можешь спрятаться, если стены прозрачны для Хозяина. Ты не можешь иметь секретов, если среда считывает твою нейрохимию. Твои мысли, твои страхи, твои желания

– теперь это просто данные телеметрии для наблюдателя.

– Оно не выпустит нас, – тихо сказала Роан. Это был не вопрос. – Зачем выпускать то, за чем так интересно наблюдать?

Вейн не ответил. Он смотрел на полосу света на полу. Она медленно ползла к их ногам. «Луна» смещалась? Или Глаз менял угол обзора, пытаясь заглянуть за угол?

– Ложитесь спать, – приказал он, понимая всю абсурдность этого приказа. – Экономьте силы.

– Спать? – Лира посмотрела на него как на сумасшедшего. – Ты думаешь, мы сможем спать, зная, что Оно смотрит?

– Мы должны, – Вейн закрыл глаза. Темнота под веками была единственным местом, которое всё ещё принадлежало ему. Пока ещё. – Потому что завтра оно придумает новый тест. И мы должны быть готовы.

Никто не лёг. Они сидели, прижавшись друг к другу, в глубине каменной глотки, и слушали, как дышит живой мир вокруг них. А снаружи, в залитой идеальным светом долине, гигантский, всевидящий зрачок висел в зените, не мигая и не отводя взгляда.

Ночь перестала быть временем отдыха. Ночь стала временем эксперимента.

Часть 5. Биологическая норма

Глава 21. Утро

Смена режима произошла беззвучно. Не было ни рассвета, ни первых лучей, ни постепенного разогрева атмосферы. Просто в одну секунду мир переключил тумблер.

Фосфоресцирующее, зыбкое сияние стен, имитирующее лунный свет, погасло. Вместо него пространство залила ровная, молочно-серая белизна. Это был цвет пасмурного утра в промышленном районе – стерильный, бестеновой, лишенный тепла. Свет не падал сверху, он сочился отовсюду: из пор камня, из мембраны на потолке, из самого воздуха.

Александр Вейн открыл глаза за мгновение до того, как его мозг осознал изменение освещенности. Он лежал, прислонившись спиной к холодному сталагнату, с рукой на кобуре.

Первая мысль была привычной, офицерской: «Я уснул на посту».

Вторая ударила под дых: «Тишина».

Вейн резко сел, чувствуя, как затекшие мышцы отзываются болью. Он метнул взгляд в дальний угол ниши, туда, где они устроили импровизированный лазарет. Там, на плоском

камне, укрытом термоодеялом, должен был лежать Марк.

Камень был пуст.

Вейн моргнул, надеясь, что это эффект спросонья, ошибка аккомодации зрения при смене спектра. Но камень оставался пустым. Более того – он был чистым. Исчезло одеяло. Исчез рюкзак, который подкладывали под голову. Исчезли даже пятна бурой слизи, которая сочилась из культи связиста.

– Подъем! – рывкнул Вейн. Голос сорвался на хрип.

Он не стал тратить время на деликатность. Капитан пнул ботинок Вальда, затем рывком дернул за плечо Лиру.

– Встать! Все встать!

– Что? – Инженер подскочил, дико озираясь. В его глазах плескался ужас человека, которого выдернули из кошмара в еще худшую реальность. – Они пришли?

– Где Марк? – Вейн уже был на ногах. Он крутился на месте, сканируя каждый метр тесного убежища. Пещера была небольшой, просматриваемой насквозь. Здесь негде было спрятаться.

Роан, уже проснувшаяся, сидела на полу, глядя на пустой камень. Ее лицо было белым, как мел.

– Его нет, – прошептала она. – Он не мог уйти сам. У него нет ноги.

– Оружие к бою, – скомандовал Вейн, выхватывая пистолет. – Искать следы. Быстро!

Они метались по пещере, как крысы в клетке. Но следов

не было. Пол был девственно чист. Никаких борозд от волочения тела, никаких капель крови, никаких отпечатков чужих конечностей. Мох на полу выглядел нетронутым, словно пружинил обратно сразу после того, как по нему проходили.

– Чисто, – выдохнула Лира. – Как будто он испарился.

– На выход, – Вейн двинулся к устью пещеры. – Держаться группой. Спина к спине.

Вейн вылетел наружу первым, держа перед собой ствол. Он ожидал увидеть бойню. Он был готов увидеть хищников, разрывающих тело. Его воображение рисовало кровавый след, уходящий в темноту дальних туннелей.

Но снаружи было тихо.

Идеальное, серое, пасмурное утро.

Воздух был влажным и теплым, пахнущим озоном и стерильностью.

– Там! – крикнула Роан, указывая рукой на центр долины.

Вейн резко развернулся, приседая на одно колено и выводя мушку на цель.

Метрах в пятидесяти от входа, на ровной площадке, покрытой фиолетовым лишайником, кто-то был.

Это был Марк.

Он не лежал. Он не полз, оставляя за собой кровавый след. Он сидел.

Поза была неестественно прямой, почти торжественной. Связист сидел на коленях (или на том, что от них осталось), опустив голову на грудь. Руки безвольно висели вдоль тела. Он не шевелился.

– Марк! – крикнул Вальд, делая шаг вперед.

– Стоять! – Вейн схватил инженера за ремень разгрузки, дернув назад. – Не подходить. Смотрите.

Капитан прищурился. Серый свет скрадывал детали, делал картинку плоской. Но даже с такого расстояния было видно: с силуэтом связиста что-то не так. Он казался слишком массивным. Слишком бугристым.

– Что на нем надето? – спросила Лира дрожащим голосом.
– Это не скафандр.

Вейн медленно поднялся.

– Идем. Медленно. Дистанция пять метров. Вальд, прикрой тыл.

Они приближались к неподвижной фигуре. Каждый шаг давался с трудом, словно воздух стал плотнее. Тишина в долине была абсолютной, но по мере приближения Вейн начал различать звук.

Это было низкое, вибрирующее гудение. Так гудит трансформаторная будка под напряжением. И сквозь этот гул пробивался другой звук – влажный, чавкающий, ритмичный.

Когда до Марка оставалось десять шагов, Вейн жестом остановил группу.

Теперь он видел всё.

Связист был не один.

Его тело было покрыто живой массой.

Это были Садовники – те самые безглазые, черные слизи, которых они видели раньше. Но теперь они не ползали по стенам. Они ползали по человеку.

Их были десятки. Черные, лоснящиеся тела сплелись в единый клубок, облепив Марка с ног до шеи. Они медленно пульсировали, сокращаясь в унисон, словно качали какую-то невидимую жидкость.

Особенно много их было внизу, там, где раньше была правая нога. Твари образовали плотный кокон вокруг культи, наслаиваясь друг на друга, создавая подобие новой конечности из живой, шевелящейся плоти.

– Господи Иисусе... – прошептал Вальд. – Они жрут его. Они жрут его заживо.

– Нет, – голос Роан был сухим, научным, страшным в своей объективности. – Не жрут. Смотри на ритм.

Вейн смотрел. Садовники не рвали плоть. У них не было челюстей. Они прижимались к телу Марка своими брюхами, и их кожа, казалось, плавилась, сливаясь с тканью комбинезона и кожей человека. Между их телами и телом связиста тянулись тонкие нити слизи, по которым пробегали голубоватые искры биолюминесценции.

Это выглядело не как трапеза хищников.

Это выглядело как работа ремонтной бригады, заделывающей пробоину в обшивке. Или как забота пчел, облепивших матку, чтобы согреть ее.

Марк сидел внутри этого живого панциря, не шевелясь. Его голова была опущена, подбородок упирался в грудь. Лица не было видно.

– Марк? – позвал Вейн.

Никакой реакции. Только гудение усилилось. Садовники, услышав голос, на секунду замерли, их черные спины напрыглись, но они не отцепились.

– Они душат его, – Лира подняла винтовку. – Вейн, надо стрелять.

– Отставить, – капитан шагнул ближе. Он чувствовал запах. Это был не запах гниения. Это был запах аммиака, спирта и чего-то сладкого, приторного, похожего на запах перезревших орхидей.

Кокон пульсировал. Влажные шлепки – «чвяк, чвяк, чвяк» – звучали как удары огромного, вынесенного наружу сердца.

Вейн видел, как один из Садовников, сидевший на плече Марка, медленно втянул в себя часть материала комбинезона, растворяя его, чтобы добраться до кожи. Он не кусал. Он выделял секрет. Он обезболивал. Он готовил поверхность.

Это было насилие, но насилие чудовищно интимное. Сущность не убивала своего питомца. Она его чинила. Она

перекраивала его под стандарты этого мира, не спрашивая согласия.

– Марк! – рявкнул Вейн, уже не сдерживаясь.

Голова связиста дернулась. Очень медленно, словно шея была сделана из ржавого металла, он начал поднимать лицо.

Вейн увидел, что глаза Марка закрыты. Его рот был приоткрыт, и из уголка губ текла тонкая струйка прозрачной слюны. На щеке, прямо под скулой, пульсировал черный отросток – ус одного из Садовников, выросший в кожу.

– Он жив, – констатировала Роан. – Он в глубокой седации.

– Убрать их, – Вейн перехватил пистолет поудобнее. – Мы должны их убрать. Сейчас же.

Внутри него поднялась холодная, яростная волна. Это было хуже, чем смерть. Видеть своего человека превращенным в инкубатор, в строительную площадку для чужой биологии – это было невыносимо.

– Огонь по моей команде, – сказал Вейн. – Целиться только в тварей. Не заденьте Марка.

Садовники, словно почувствовав угрозу, зашевелились быстрее. Кокон сжался. Гудение перешло в высокий, предостерегающий визг.

– Огонь! – крикнул капитан.

Глава 22. Ложная тревога

– Отставить огонь! – заорал Вейн, когда палец уже выбрал свободный ход спускового крючка.

В прицеле было месиво. Чёрные, лоснящиеся спины тварей переплелись с телом Марка так плотно, что пуля, пройдя сквозь слизня, гарантированно вошла бы в человека. Это был не захват заложника. Это был симбиоз. Единый организм, где Марк был ядром, а Садовники – оболочкой.

Вейн рванул вперёд, перехватывая винтовку за ствол, как дубину.

– Врукопашную! Сбивайте их!

Он бежал, и каждый шаг отдавался в коленях глухим ударом о пружинистый мох. Страх исчез, вытесненный белой, горячей яростью. Это была простая, понятная эмоция: враг напал на твоего человека. Врага надо уничтожить. Разбить хитин, выпустить кишки, сломать хребет.

Вейн подлетел к кокону и с размаху опустил приклад на самую крупную тварь, облепившую шею связиста.

Он ожидал хруста. Ожидал, что приклад отскочит от твёрдого панциря, или проломит кость, или хотя бы вызовет визг боли.

Ничего этого не случилось.

Удар был сильным, но он ушёл в никуда. Приклад с влажным, чавкающим звуком погрузился в чёрную плоть, как в

тесто. Тварь не была твёрдой. Она была вязкой, плотной и податливой. Это было похоже на удар по мешку с мокрой глиной.

Ни визга. Ни шипения. Ни попытки уклониться.

Существо просто приняло кинетическую энергию удара, спружинило всем телом, погасив инерцию, и... осталось на месте. Оно даже не дрогнуло. Ус, вросший в щёку Марка, продолжал пульсировать, перекачивая мутную жидкость.

– Слезь! – прорычал Вейн, упираясь сапогом в бок связиста и рывком отдирая тварь руками.

Ощущение было омерзительным. Перчатки скользили по тёплой, вибрирующей слизи. Садовник был тяжёлым – килограммов двадцать мёртвого веса. Он не цеплялся лапами, у него их не было. Он держался за счёт вакуумного присоса всей поверхности брюха.

Вейн рванул изо всех сил. Раздался звук, похожий на то, как ногу вытаскивают из глубокой грязи – громкий, непристойный «чмок». Слизь потянулась толстыми, клейкими нитями, а затем лопнула.

Чёрный ком отделился от плеча Марка. Вейн, потеряв равновесие, отшатнулся и швырнул существо на землю, занося ногу для добивающего удара.

Но добивать было некого.

Едва коснувшись земли, Садовник перестал быть существом. Он не корчился, не пытался уползти. Чёрный глянец его шкуры мгновенно помутнел, став серым и матовым, как

старый асфальт. Тело опало, потеряв форму. То, что секунду назад было упругой мышцей, превратилось в бесформенную кучу биомассы, похожую на сдувшийся мяч.

Вейн замер с поднятой ногой. Он смотрел на серую лужу, которая быстро высыхала на воздухе, покрываясь трещинами.

Это была не смерть. Живые существа так не умирают. Так ломаются приборы, когда из них выдергивают шнур питания.

– Помогите мне! – крик Роан вывел его из ступора.

Биолог и Механик уже были рядом с Марком. Они не были тварей – они поняли раньше Вейна, что бить бесполезно. Они отдирали их.

Это напоминало не битву, а безумный, грязный демонтаж. Лира, рыча от натуги, тянула на себя длинного, плоского слизня, обвившего грудь Марка. Тварь податливо растягивалась, как резина, но не отпускала.

– Тяни! – скомандовала Роан, поддевая край присоски монтировкой.

Лира рванула. Слизень отлепился с тем же влажным звуком разрываемой плоти. Он шлёпнулся на мох и тут же посерел, превращаясь в прах.

Вейн бросился помогать. Он схватил двух мелких тварей, облепивших левую руку связиста. Они были тёплыми. Сквозь перчатки он чувствовал их вибрацию – ровную, машинную. Они не сопротивлялись. Они полностью игнориро-

вали агрессию. Вейн для них не существовал. Для них существовала только задача: покрывать, греть, вводить секрет.

– Убирайтесь! – Вейн срывал их одну за другой, отбрасывая в сторону.

Вокруг Марка росла куча серого мусора. Это выглядело жалко. Никакого героического спасения. Они просто обдирали гигантскую, живую струпью. Они сражались не с монстрами, а с медицинской повязкой, которая присохла к ране.

– Ноги! – крикнул Вальд. – Освободите ноги!

Самый большой клубок был внизу. Там, где должна была быть ампутированная голень, Садовники сплелись в плотный узел. Они создали живой протез, замещая собой отсутствующую плоть.

Вейн схватил верхнего слизня. Тот был огромным, толстым, как удав. Капитан упёрся коленом в бедро Марка и потянул.

На секунду ему показалось, что он сейчас оторвёт связисту ногу окончательно. Сцепление было чудовищным. Садовники вросли друг в друга, образуя единый монолит.

– Режь! – крикнула Роан. – Вейн, режь их! Они не чувствуют боли!

Капитан выхватил нож. Лезвие из углеродистой стали вошло в чёрную плоть без сопротивления, как в масло. Ни крови, ни ихора. Только прозрачная сукровица. Тварь не дёрнулась. Разрезанные половинки просто развалились в стороны, мгновенно теряя цвет и упругость.

Вейн рубил и рвал. Он потрошил этот живой кокон, чувствуя, как его руки по локоть уходят в тёплую, дрожащую слизь. Его тошнило от тактильного контакта, от податливости врага, от того, как легко эти существа позволяли себя убивать.

Они были одноразовыми. Расходный материал. Инструменты. Биологический пластилин, из которого Сущность лепила то, что ей было нужно.

Последний кусок чёрной плоти отвалился от культи Марка и упал на землю, рассыпаясь в пыль.

Связист, лишившись поддержки, рухнул вперёд.

Вейн успел подхватить его у самой земли. Тело Марка было тяжёлым, обмякшим, скользким от слизи.

– Марк! Марк, ты меня слышишь? – Вейн тряхнул его, заглядывая в лицо.

Глаза связиста были открыты. Зрачки расширены до предела, радужки почти не видно. Он смотрел сквозь Вейна, сквозь серое небо, сквозь этот мир.

– А-а-а... – из горла Марка вырвался звук.

Это не было словом. Это был даже не крик боли. Это был звук абсолютного, животного непонимания. Стон человека, который проснулся и обнаружил, что его тело больше ему не принадлежит.

Он начал биться в руках капитана. Вяло, нескоординированно, как пьяный или контуженный. Его руки царапали воздух, пытаясь оттолкнуть невидимую тяжесть.

– Держи его! – крикнула Роан, бросаясь к ногам. – Лира, аптечку! Седативное!

Вейн сжал Марка в объятиях, блокируя его руки. Он прижал голову связиста к своей груди, чувствуя, как того бьёт крупная дрожь. Слизь с тела Марка пропитала комбинезон капитана, липкая, пахнувшая сладковатой химией.

– Всё, всё, тихо, – шептал Вейн, не зная, кого он успокаивает – Марка или себя. – Мы их убрали. Их нет. Всё чисто.

Марк затих так же внезапно, как и начал биться. Он обмяк, повис на Вейне тряпичной куклой. Только дыхание – хриплое, булькающее – говорило о том, что он жив.

Вейн поднял голову.

Группа стояла вокруг них кольцом. Тяжело дышащие, испачканные в серой пыли и прозрачной слизи люди. У Вальда дрожали губы. Лира вытирала руки о штанину, оставляя на ткани мокрые разводы, и на её лице было написано брезгливое недоумение.

Вокруг них, на фиолетовом мху, валялись куски серой, похожей на папье-маше массы.

Десятки существ. Килограммы биомассы.

И ни одной капли крови.

Ни одного трупа в привычном понимании.

Это выглядело как свалка использованной упаковки. Как груда грязных бинтов, которые сорвали с пациента и бросили

на пол операционной.

Тишина вернулась в долину. Гудение исчезло. Садовники выполнили свою функцию и были утилизированы.

– Что это было? – голос Вальда прозвучал плоско в неподвижном воздухе. – Почему они не дрались?

Вейн посмотрел на свои руки, покрытые высыхающей слизью. Он чувствовал себя идиотом. Он готовился к войне. Он поднял людей в атаку. Он был готов умереть, защищая товарища.

А защищать было не от кого.

– Потому что мы не враги, – сказал Вейн, чувствуя горечь во рту. – И они не солдаты.

Он перевёл взгляд на Марка. Связист дышал ровно, впад в какое-то подобие транса. Его комбинезон был растворен во многих местах, обнажая кожу.

И тут Вейн заметил.

Он ожидал увидеть раны. Следы присосок. Химические ожоги от пищеварительных ферментов. Гематомы от сжатия. Но кожа Марка была чистой.

Слишком чистой.

– Роан, – позвал Вейн. Голос его стал тихим и очень спокойным. – Посмотри на него.

Биолог опустилась на колени рядом с ними. Она включила фонарик, хотя света было достаточно. Луч скользнул по шее Марка, по плечу, с которого Вейн только что содрал огром-

ного слизня.

– Ни царапины, – прошептала Роан. Она провела пальцем по коже связиста. – Нет воспаления. Нет покраснения.

Она перевела луч ниже. Туда, где была рана.

Вейн почувствовал, как желудок делает кульбит.

Там, где вчера был рваный, обрубленный кусок мяса, замотанный в термоткань... там, где торчала кость и сочилась кровь...

Там больше не было раны.

– Этого не может быть, – выдохнула Лира, заглядывая через плечо биолога.

Вейн смотрел и понимал: то, что они сделали, не было спасением.

Они прервали процедуру.

Они ворвались в реанимацию и разбили аппарат жизнеобеспечения, думая, что он душит пациента.

– Мы идиоты, – сказал Вейн, глядя на кучу мёртвых Садовников. – Мы просто идиоты с дубинами.

Глава 23. Результат

Эстель Роан оттолкнула капитана плечом. В этом движении не было неуважения к субординации, только холодный, сфокусированный императив врача, который отодвигает постороннего от операционного стола. Сейчас Вейн был посторонним. Его винтовка, его паранойя, его командный голос – всё это было бесполезно.

Здесь требовалась не баллистика, а биология.

– Отойди, – бросила она, не глядя на Вейна. – Дай мне свет.

Марк сидел на земле, привалившись спиной к валуну. Он больше не бился. Шок отступил, сменившись вязкой, наркотической апатией. Его голова запрокинулась, рот был полукруглым, глаза следили за проплывающими низкими облаками, но вряд ли что-то видели.

Роан опустилась перед ним на колени. Земля вокруг была усеяна серыми ошметками – всё, что осталось от Садовников. Сладковатый, приторный запах разлагающейся органики бил в нос, смешиваясь с запахом озона.

– Лира, держи его плечи, – скомандовала Роан. – Если начнется болевой шок, он может дернуться.

Механик послушно зашла со спины, положив руки на плечи связиста. Пальцы Леры дрожали.

Роан перевела взгляд на правую ногу Марка. Точнее, на

то, что от неё осталось.

Она помнила вчерашний день. Она помнила хруст, с которым гермодверь шлюза перебила берцовую кость. Она помнила фонтан артериальной крови, который ей пришлось останавливать жгутом, буквально вгрызаясь пальцами в мягкие ткани, чтобы пережать бедренную артерию. Это была травматическая ампутация четвертой степени. Рваная рана, раздробленная кость, лохмотья мышц, грязь, попавшая в канал.

По всем законам медицины, сегодня Марк должен был лежать в лихорадке, балансируя на грани сепсиса. Рана должна была быть отекшей, багрово-синей, сочащейся сукровицей.

Но сейчас нога была покрыта слоем густой, прозрачной слизи. Это было похоже на то, как если бы ногу окунули в чан с густым столярным клеем или амниотической жидкостью.

– Дай тряпку, – Роан протянула руку, не оборачиваясь.

Вейн вложил ей в ладонь кусок ветоши из своего набедренного кармана.

Роан глубоко вздохнула, готовясь к тому, что увидит. Она ожидала увидеть некроз. Садовники могли занести инфекцию, могли начать переваривать ткани. Она приготовилась к запаху гангрены.

Она поднесла тряпку к колену и с силой провела вниз, стирая слизь.

Вязкая субстанция поддалась неохотно, скатываясь в желеобразные комки. Роан вытерла еще раз, очищая кожу от

колена до самого низа.

И замерла.

Тряпка выпала из её пальцев.

– Что там? – хрипло спросил Вейн, нависая над ней. – Гангрена?

– Нет, – голос Роан был пустым. – Нет.

Под слоем грязи не было ни воспаления, ни швов, ни струпов. Там была кожа.

Чистая. Розовая. Абсолютно здоровая кожа.

Роан моргнула, пытаясь совместить картинку в мозгу с реальностью. Этого не могло быть. Прошло меньше восьми часов. Даже в камере регенерации высшего класса, накачанной стволовыми клетками и факторами роста, на первичное закрытие такой раны ушли бы недели. Организм просто не способен синтезировать столько белка за одну ночь. Это противоречит законам термодинамики. Чтобы вырастить такой объем ткани, Марк должен был сожрать слона, а его температура должна была подскочить до шестидесяти градусов. Он должен был сгореть от метаболического разгона.

Но он был здесь. Живой. И его нога выглядела... новой.

Роан протянула руку. Ей нужно было тактильное подтверждение. Может быть, это галлюцинация? Может быть, слизь содержит психотропы?

Она коснулась кожи чуть ниже колена.

Теплая. Упругая. Гладкая.

Слишком гладкая.

Роан провела пальцем вниз, к тому месту, где нога заканчивалась. Там, где вчера зияла рваная рана до самой кости, теперь была гладкая, ровная поверхность. Кожа стягивала бедро идеально ровно, без единой складки, без единого рубца.

– Это невозможно, – прошептала она. – Где шрам?

– Роан? – позвала Лира. – Что не так?

– Всё не так! – Роан схватила ногу Марка двумя руками, подтягивая ближе к свету. – Смотрите. Смотрите внимательно.

Она ткнула пальцем в границу, где старая кожа переходила в новую.

– Вот здесь, – она провела ногтем по едва заметной линии чуть выше колена. – Видите? Сверху – его кожа. Загар, волосы, поры, старый шрам от ожога, который он получил на корабле. Обычная человеческая кожа.

Она сместила палец ниже, на розовый участок.

– А теперь здесь.

Роан наклонилась так низко, что почти касалась носом колена связиста. Её глаза, привыкшие работать с микроскопом, фиксировали детали, которые остальные могли упустить.

На новой коже не было рисунка.

Вообще.

Ни пор, через которые тело дышит и выводит пот. Ни крошечных морщинок на сгибах. Ни волосяных фолликулов. Ни папиллярных линий.

Это была не кожа. Это был биополимер, имитирующий кожу. Гладкий, как пластик, однородный, как латексная перчатка. Он был теплым, под ним пульсировала кровь, но сам по себе он был... мёртвым. Или, скорее, искусственным.

Это была «зловещая долина» во плоти. Это выглядело как нога дорогой куклы, пришитая к живому человеку.

– Они не вылечили его, – тихо сказала Роан, чувствуя, как холодный ужас поднимается по позвоночнику. – Они его отреставрировали.

– Отреставрировали? – переспросил Вальд, подходя ближе.

– Как старую мебель, – Роан подняла на него взгляд. В её глазах стоял страх учёного, который увидел нарушение фундаментальных констант. – Если у тебя дырка в обивке, ты не ждешь, пока ткань срастется. Ты ставишь заплатку. Идеальную, новую заплатку.

Она снова повернулась к Марку.

– Марк, ты меня слышишь?

Связист медленно кивнул. Его взгляд прояснился, хотя зрачки всё ещё были расширены.

– Болит? – спросила она, нажимая пальцем на самый центр культи, туда, где нервные окончания должны были кричать от любого прикосновения.

– Нет, – голос Марка был тихим, удивленным. – Щекотно.

– Щекотно, – повторила Роан.

Она взяла его ногу за икру – там, где мышцы были восстановлены – и согнула в колене.

Сустав сработал идеально. Ни хруста, ни сопротивления, ни ограничения подвижности. Связки были новыми. Мышцы сокращались мягко и беззвучно.

– Попробуй сам, – приказала она. – Согни ногу.

Марк нахмурился, концентрируясь. Мышца под розовым пластиком напряглась, колено легко согнулось.

Всё работало. Механика была безупречной.

Но это была не его нога.

Роан отпустила конечность и вытерла руки о штаны, словно испачкалась в чем-то грязном. Хотя руки были чистыми.

– Это не регенерация, – сказала она, обращаясь к Вейну. – Регенерация восстанавливает тебя таким, какой ты есть. С твоими дефектами, с твоей историей. А это... – она кивнула на розовый глянец, – это заводской стандарт. Они стерли травму. Но вместе с травмой они стерли его биологическую идентичность.

– Ты хочешь сказать, что это не его клетки? – Вейн присел рядом, разглядывая аномалию.

– Клетки, вероятно, совместимы. Иначе началось бы отторжение. Но структура... – Роан покачала головой. – У этой кожи нет прошлого. Она не старела. Она не загорала на солн-

це. Она создана пять минут назад по лекалу «человек стандартный».

Она посмотрела на руки Марка. Там, где Вейн содрал мелких Садовников, тоже были пятна новой кожи. Розовые, гладкие острова на загорелых, обветренных руках.

– Они латают нас, – сказала Роан. – Но они не понимают, что такое человек. Для них мы просто биомасса, которую нужно держать в целостности. Шрам – это повреждение? Убрать. Родинка – это пигментный дефект? Убрать.

Она представила, что будет, если Садовники доберутся до лица. Исчезнут ли морщины вокруг глаз? Исчезнет ли шрам на подбородке? Станет ли лицо гладкой, розовой маской без пор и выражений?

– Это эффективно, – заметил Вальд. В его голосе звучала странная смесь ужаса и восхищения инженера. – За восемь часов... Полная функциональность. Никакой реабилитации.

– Это чудовищно, – отрезала Роан. – Это не лечение, Торен. Это ремонт. Ты понимаешь разницу? Когда ты лечишься, ты остаешься собой. Когда тебя ремонтируют, ты становишься запчастью.

Марк вдруг пошевелился. Он поднял руку и посмотрел на своё запястье, где розовое пятно новой кожи перекрывало старую татуировку – маленькую цифру, номер его первого отряда.

Татуировки больше не было.

Новая кожа была чистой.

– Они стерли номер, – прошептал Марк. Он потер место пальцем, словно пытаясь стереть розовый налет и вернуть чернила. – Мой номер... Его нет.

Роан увидела, как его дыхание участилось. Это было страшнее боли. Потерять часть тела – это травма. Потерять знак отличия, потерять метку, которая говорит «это я» – это стирание личности.

– Спокойно, – Вейн перехватил руку связиста. – Это просто кожа, Марк. Ты жив. Это главное.

– Жив? – Марк поднял на капитана глаза, полные слез. – Посмотри на это, Вейн. Это не я. Это кусок резины.

Роан встала. Её колени дрожали. Она смотрела на безупречную, глянцевую поверхность, закрывшую рану, и понимала, что Садовники сделали нечто худшее, чем убийство.

Они нарушили целостность времени. Тело – это летопись. Каждый шрам, каждая морщина – это запись о прожитом дне. Садовники стерли запись. Они откатили систему назад, к заводским настройкам, уничтожив опыт.

Если они продолжат «лечить» их так же... через месяц от экипажа не останется ничего, кроме группы идеально здоровых, гладких, стерильных манекенов. Без шрамов. Без памяти. Без прошлого.

– Вейн, – позвала она тихо.

Капитан поднял голову. Его лицо было жестким, скулы напряжены. Он тоже это понял. Он смотрел на «чудо исцеле-

ния» с тем же выражением, с каким смотрел бы на поддельный документ.

– Ты говоришь, оно не чувствует боли? – спросил Вейн, медленно поднимаясь.

– Нервные окончания есть, реакция есть, – ответила Роан осторожно. – Но болевой порог, похоже, изменен. Или блокирован.

– И оно прочное?

– Выглядит прочным.

Вейн кивнул. Его рука скользнула к поясу. Щелкнула застежка ножен.

– Что ты делаешь? – Роан шагнула к нему, но остановилась, увидев его взгляд.

Вейн достал нож. Тот самый, которым он срезал Садовников. Лезвие было ещё влажным от слизи, но остроты не потеряло.

– Это не наша кожа, – сказал капитан. – Это подарок от Хозяина. А я не люблю подарки, которые нельзя проверить.

Он шагнул к Марку.

– Сиди смирно, Марк. Я должен знать, из чего мы теперь состоим.

Связист вжался в камень, глядя на нож. Но он не сопротивлялся. В этом мире, где его собственное тело предало его, став чужим, нож в руке командира казался единственной честной, понятной вещью.

Вейн наклонился над идеальной, розовой культей. Лезвие

зависло в сантиметре от глянцевой поверхности, в которой не было ни одной поры.

Глава 24. Научный подход

Александр Вейн отошёл от группы на десять шагов. Этого было достаточно, чтобы создать зону отчуждения, но остаться в поле зрения. Он чувствовал спиной взгляды команды – испуганные, непонимающие. Они смотрели на него как на человека, который решил окончательно сойти с ума.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.